

Издание Императорской Археологической Коммисіи

МЕЧЕТИ САМАРКАНДА

Выпускъ I

ГУРЪ-ЭМИРЪ

LES MOSQUÉES DE SAMARCANDE

Fascicule I

GOUR-EMIR

Publié par la Commission Impériale Archéologique

THE LIBRARY
OF THE CLEVELAND
MUSEUM OF ART

KATHERINE WARD
BURRELL
FUND

Издание Императорской Археологической Коммиссіи

МЕЧЕТИ САМАРКАНДА

Выпускъ I

ГУРЪ-ЭМИРЪ

گور امیر

گور امیر

LES MOSQUÉES DE SAMARCANDE

Fascicule I

GOUR-EMIR

Publié par la Commission Impériale Archéologique

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

1905

ST-PÉTERSBOURG

EXPÉDITION POUR LA CONFECTION DES PAPIERS D'ÉTAT

1905

Печатано по распоряжению Императорской Археологической Комиссии

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ГОСУДАРЫНЪ ИМПЕРАТРИЦЪ
АЛЕКСАНДРЪ ѲЕОДОРОВНЪ

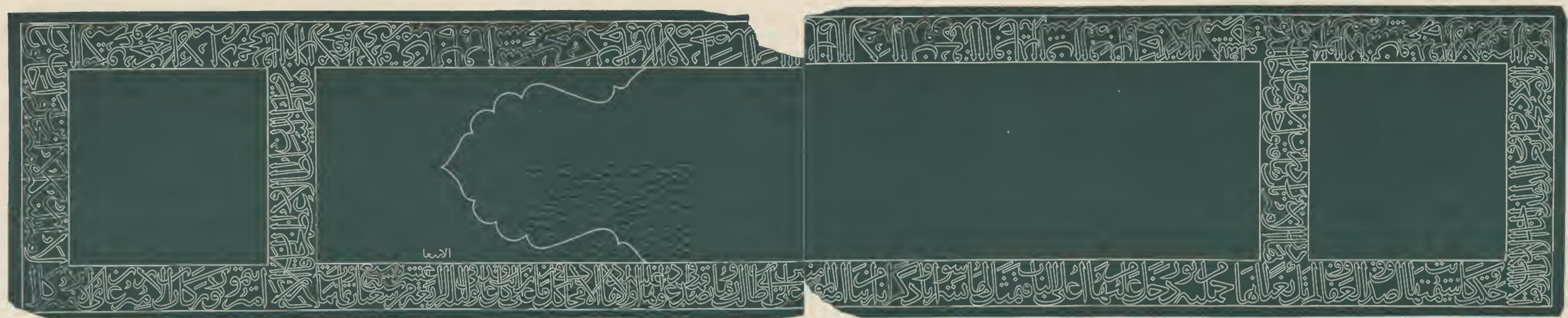

D É D I É
à
SA MAJESTÉ L'IMPÉRATRICE
ALEXANDRA FÉODOROWNA

Нефритовое надгробие Тимурлана — Pierre en néphrite sur le tombeau de Tamerlan

Мировую славу Самарканда составляют его величественные мечети, построенные знаменитым Тимуром, известным больше под именем Тимурлана, и его ближайшими преемниками.

В мусульманских государствах расцвет их политического могущества неизменно сопровождается блестящим развитием монументальной архитектуры. Созидатели сильных монархий и великие завоеватели, сосредоточив в своих руках богатые материальные и духовные средства, стремятся в грандиозных сооружениях возвести славу ислама. Такие благородные порывы мы видим у газневидов в Хорасане, у омульманившихся гулагидов и после у сефевидов в Персии, у мамелюков в Египте, у бабуров в Кабулистане; а в Европе — у омейядов в Испании и у первых османских султанов в Турции. Но все дальше пошел на этом поприще Тимур. Удачные войны в России, на Кавказе, в Персии, Малой Азии и Индии давали Тимурлану изобильные средства для украшения своей столицы, Самарканда, куда он вводил многочисленные караваны с богатою добычею; а захваченные в плен искусные архитекторы, художники и мастера, которые всегда щадились по взятии сопротивлявшихся городов, должны были осуществлять планы и желания счастливого завоевателя. Тимур всегда сам принимал очень живое и деятельное участие в возведении зданий, и угодить на него было не легко: он постоянно оставался чем-нибудь недоволен в исполнении и приказывал переделывать то, что уже было закончено, и сам следили за намеченными исправлениями.

Из всего, что было доступно Тимурлану при возведении мечетей, он воспользовался самым лучшим. В XIV столетии в Персии процветала каллиграфия, и на самаркандских мечетях это отразилось в высшей мере: стены их испещрены надписями всевозможных почерков в гармоничных и красивых сочетаниях. Персия славились тогда искусством воспроизведения яркой и чистой майолики, секрет которой до нас не дошел, и изразцовая облицовка самаркандских мечетей эпохи Тимурлана превосходит все, что встречалось в этом отношении в Средней Азии до настоящего времени. В некоторых случаях персидские художники из Тебриза и Испагана отбрасывали свои имена на постройках, но, очевидно, не все. Были мастера и из других мест. Известен один кашгарец, который, быть может, применил в Самарканде китайские приемы орнаментирования внутренности зданий разрисованными бумажными пальметками, которые, при помощи железных гвоздиков, покрывали почти сплошь внутреннюю стену и в особенности сводчатые потолки мечетей. У себя дома, т. е. в Западном Туркестане, Тимурлан имел, по видимому, только второстепенных исполнителей, которые могли действовать не самостоятельно, а лишь под руководством иностранцев; оттого это искусство, возбуждающее наше удивление, как заносное извне, после Тимурлана, вместо того, чтобы развиваться, стало падать и на новой почве не пустило глубоких корней, несмотря на покровительство ему со стороны наследников Тимурлана, в особенности же знаменитого внука его Улуг-бека, тоже прославившегося постройками в Самарканде.

Тимур строил дворцы, из которых в Самарканде не сохранилось ни одного, но о величии которых можно судить по остаткам знаменитого Ак-сарая в городе Шахрисябзе, возводил мечети, соорудил усыпальницы, как над могилами мусульманских святых (мазар), так и над могилами своих родственников и вообще светских лиц (ханеках или, по местному произношению, хонек). Ему же обязаны своим появлением и некоторые медресы (училища), от которых уже не осталось никаких следов.

К числу капитальных сооружений Тимура надо отнести: мечеть, воздвигнутую в г. Туркестане над могилою святого Ахмеда Ясави; соборную мечеть в г. Самарканде, известную под именем Биби-ханым; мечеть, называемую теперь Гурь-Эмир; мечеть в его родном городе — Кеш. Перечислить же все мазары и ханеках, им воздвигнутые, представляется делом довольно трудным; отметим только главные. Мазары в Самарканде: над гробницею Нур-эд-Дин-Басира, по прозвищу Кутб-и-чахардехум, теперь не существующую; над могилою Чупань-ата; над могилою Бурхан-эд-Дина Сагарджи (Рухь-абат); Тимуром же украшен мазар над могилою Куссама-ибн-Аббаса, называемого Шах-зиндэ („живой царь“). Ханекахи в Кеш: над гробницей эмира Тарагая, отца

Самарканда, до его репутации универсальной к его splendidos mosquées, érigées par l'illustre Timour-Beg, plus connu sous le nom de Tamerlan, ainsi que par ses successeurs immédiats.

Il est à remarquer que, dans les pays musulmans, le développement de la puissance politique est toujours accompagné par des progrès notables de l'architecture monumentale. Les fondateurs de vastes monarchies et les grands conquérants musulmans, après s'être rendus maîtres de richesses matérielles et de forces intellectuelles considérables, aspirent à glorifier l'éclat de l'Islam en de grandioses constructions. Ces nobles tendances se manifestent également chez les Gasnévides du Khorassan, les Houlagouides (Ilkhans), convertis à l'Islam, et plus tard chez les Séfis de la Perse, les Mamloûks de l'Egypte et les Bâbérîdes du Kaboulistan; il en est de même en Europe, chez les Ommyades de l'Espagne et les premiers sultans osmanlis de Turquie. Mais le plus magnifique des constructeurs fut Timour. Ses succès guerriers en Russie, au Caucase, en Perse, dans l'Asie-Mineure et aux Indes lui fournissaient des matériaux abondants pour la décoration de Samarcande, sa capitale. De nombreuses caravanes y transportaient un riche butin. A la prise d'assaut d'une ville, l'ordre était donné d'épargner les architectes, les peintres, les ouvriers habiles, que Timour utilisait ensuite à l'exécution de ses projets. Prenant constamment une part très active à la construction de ses édifices, Timour était très difficile à satisfaire; il ordonnait souvent de modifier un monument déjà terminé et surveillait en personne les réfections indiquées par lui.

En érigeant ses mosquées, Tamerlan avait utilisé tout ce qu'il possédait de plus beau. La calligraphie qui florissait en Perse, au XIVème siècle de notre ère, s'est brillamment reflétée dans les mosquées de Samarcande. Les murs de ces édifices sont parsemés d'inscriptions, dont l'écriture varie à l'infini, formant d'harmonieuses et gracieuses combinaisons. La Perse était, à cette époque, célèbre par ses majoliques à couleurs éclatantes et pures, art dont le secret ne nous est point parvenu. Les panneaux de faïence, dont Tamerlan a revêtu les mosquées de Samarcande, surpassaient en beauté tout ce que nous connaissons parmi les produits similaires de l'Asie Centrale. Les artistes persans de Tébrîz et d'Ispahan, ou du moins plusieurs d'entre eux ont parfois mis leurs noms sur les monuments. Mais il y avait aussi des maîtres venus d'ailleurs. Tel un certain Kachgarien, qui paraît avoir introduit à Samarcande, pour l'ornementation de l'intérieur des édifices, des procédés chinois, consistant à revêtir les parois, et particulièrement les plafonds cintrés des mosquées, de palmettes en papier colorié, fixées à l'aide de petits clous en fer.

Dans son pays, c. à d. dans le Turkestan occidental, Tamerlan n'avait à sa disposition que des artisans de second ordre, manquant d'initiative et qui devaient être guidés par des étrangers.

L'art que nous admirons dans les monuments de Samarcande y a été importé du dehors; par ce motif, il ne se développa plus après la mort de Tamerlan. Sans prendre racine dans un sol nouveau, cet art tomba bientôt en décadence; c'est en vain qu'il jouit de la faveur des successeurs de Timour, et notamment de l'illustre petit-fils du conquérant, Oloug-Beg également célèbre par ses constructions à Samarcande.

Timour a bâti plusieurs palais, dont il n'est rien resté à Samarcande; on peut cependant se faire une idée de la splendeur de ces édifices d'après les ruines du fameux Ak-Seraï à Chehr-i-Sebz. Tamerlan a également érigé des mosquées et des mausolées, tant sur les tombes des saints musulmans (mazar) que sur les sépultures de ses parents et d'autres personnages (khanécah ou khonécoh, selon la prononciation locale). On devait encore à Tamerlan plusieurs medrèsses (collèges musulmans), dont il ne reste aujourd'hui aucune trace. Au nombre des principales constructions de ce prince, il faut citer la mosquée de la ville de Turkestan, érigée sur la tombe du saint Achmed-Yassavi; la mosquée cathédrale de Samarcande, connue sous le nom de „Bibi-Khanym“; celle qu'on appelle aujourd'hui „Gour-émir“, et celle de Kech, ville natale de Tamerlan. On ne saurait dresser une liste complète de tous les mazar et khanécahs, élevés par ce conquérant. Nous nous bornerons à indiquer les principaux. Tels sont parmi les mazar de Samarcande: celui, actuellement détruit, qui recouvrait le tombeau de Nour-ed-din-Bassir, surnommé Kothbi-Tchakhardéhoum; un autre sur le tombeau de Tchupan-ata; un troisième sur la tombe de Bourkhan-ed-din Sagardji (Roukh-abad). Timour décora aussi le mazar, érigé sur la tombe de Koussam-ibn-Abbas, surnommé Chah-zindé („roi vivant“). Parmi les khanécahs, nous signale-

Тимура, и надъ гробницей Джехангира, старшаго сына Тимура; въ Самаркандѣ: цѣлый рядъ усыпальницъ близъ мазара Шахъ-зиндѣ для братьевъ, сестеръ, мамки съ дочерью и нѣкоторыхъ женъ Тимура; тутъ же находится и небольшая мечеть; усыпальница для прочихъ женъ его близъ соборной мечети; усыпальница для внука его Мухаммедъ-Султана возлѣ мечети Гуръ-Эмиръ. Едва ли какое другое царствование на мусульманскомъ Востока можетъ сравниться съ царствованиемъ Тимура въ дѣлѣ сооруженія подобныхъ памятниковъ.

Эти памятники блестящей эпохи Тимура—частью отъ землетрясеній, нерѣдко случающихся въ этомъ краѣ, а еще больше отъ недостаточности надлежащаго ремонта во времена послѣдующихъ за Тимуромъ хановъ—пришли въ такое состояніе разрушенія, что дальнѣйшее поддержаніе ихъ стало дѣломъ крайне затруднительнымъ, а для нѣкоторыхъ прямо невозможнымъ. Сохранить о нихъ память для потомства можно только въ чертежахъ и рисункахъ. Къ такой мысли пришла Императорская Археологическая Коммиссія, когда возникъ, въ 1895 г., вопросъ о поддержаніи самаркандскихъ мечетей. Предположенія Коммиссии въ этомъ смыслѣ встрѣтили сочувственный откликъ у статс-секретаря Сергѣя Юліевича Витте, тогда министра финансовъ; онъ оцѣнилъ научную важность этого предпріятія и принялъ его такъ близко къ сердцу, что исходатайствовалъ у ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА денежныя средства, какъ на изготовленіе альбома рисунковъ, такъ и на печатаніе его. Нынѣ Императорская Археологическая Коммиссія изготовила первый выпускъ альбома Самаркандскихъ мечетей, заключающій въ себѣ снимки съ мечети Гуръ-Эмиръ, гдѣ находится могила Тамерлана.

Мечеть Гуръ-Эмиръ основана Тимуромъ въ 807 г. гижры (1404 по Р. Х.) и довольно хорошо сохранилась. Она поражаетъ своимъ громаднымъ рубчатымъ куполомъ, нѣкогда сплошь облицованнымъ майоликой и тогда же увѣнчаннымъ, по преданію, золотымъ шаромъ, и блещетъ разноцвѣтными изразцами, мѣстами переходящими въ тонкую мозаику изъ выпиленныхъ кусочковъ майолики. Мозаика эта изображаетъ изящныя панно, на которыхъ помѣщены по синему фону стилизованныя вѣтки растений съ листиками и цвѣточками, а также снабжена многочисленными надписями, большею частью арабскими и изрѣдка персидскими.

Назначеніе описываемаго зданія было, какъ и всякой мечети, служить мѣстомъ для общественной молитвы. Обращать ее въ усыпальницу, какъ можно думать, не входило въ намѣренія Тимура: онъ строилъ именно мечеть и при ней воздвигъ по бокамъ два минарета ¹⁾.

Мы имѣемъ одно литературное указаніе, по которому Тимуръ желалъ быть похороненнымъ на мѣстѣ своей родины, въ г. Кешѣ. Объ этомъ сообщилъ кастильскій посолъ Гонзалесъ де-Клавихо, останавливавшійся въ этомъ городѣ по дорогѣ въ Самаркандъ. Описывая г. Кешъ, Клавихо замѣчаетъ, что тамъ было много большихъ мечетей; въ особенности на него произвела сильное впечатлѣніе одна, построенная Тимуромъ и еще не оконченная; въ ней была большая часовня ²⁾, въ которой былъ похороненъ отецъ Тимура, и другая часовня, которую Тимуръ приказалъ построить для себя, чтобы быть тамъ похороненнымъ; часовня эта также не была еще кончена. „Говорятъ“—пишетъ далѣе Клавихо—„что когда Тамурбекъ проходилъ тамъ съ мѣсяцъ тому назадъ, онъ остался недоволенъ этой часовней, потому что дверь была низка, и велѣлъ ее передѣлать; теперь надъ нею работаютъ мастера“ ³⁾.

Если дѣйствительно таково было желаніе Тимура, то оно осталось неисполненнымъ: не въ Кешѣ пришлось покониться костямъ его, а въ Самаркандѣ, и, вѣроятно, произошло это вслѣдствіе политическихъ осложненій, послѣдовавшихъ за смертью Тимура и за нарушеніемъ его воли относительно престолонаслѣдія. Но и въ Самаркандѣ могила Тимура установилась не сразу: первоначально онъ былъ похороненъ не въ мечети Гуръ-Эмиръ, а въ другомъ зданіи. Чтобы опредѣлить это зданіе, намъ нужно обратиться къ изслѣдованію о первоначальномъ мѣстѣ погребенія внука Тимурова, мирзы Мухаммедъ-Султана. Подробности объ этомъ обстоятельстве находятся у Шерефъ-эд-Дина Али Езди въ его исторіи царствованія Тимура, носящей названіе „Зеферъ-намэ“ („Книга побѣдъ“). Этотъ писатель утверждаетъ, что когда Мухаммедъ-Султанъ, обнаружившій большую храбрость въ битвѣ подъ Ангорой, вскорѣ послѣ того умеръ, то Тимуръ приказалъ соорудить для него великолѣпную усыпальницу съ куполомъ ⁴⁾ рядомъ съ медресе, построеннымъ этимъ принцемъ; „поясъ этого купола былъ изъ мрамора, украшенный золотомъ и лазурью; въ немъ вырыли склепъ, чтобы положить тамъ тѣло принца“ ⁵⁾. Сообщеніе нѣсколько темное и дающее поводъ предполагать, что здѣсь рѣчь идетъ о зданіи Гуръ-Эмиръ; но, сопоставляя это извѣстіе съ рассказомъ Гонзалеса де-Клавихо и съ другимъ извѣстіемъ самого же Шерефъ-эд-Дина, мы придемъ къ другому заключенію. Первый изъ нихъ пишетъ: „Въ четвергъ 30 октября царь (т.-е. Тимуръ) отправился изъ орды въ городъ и остановился въ домѣ съ мечетью, который онъ построилъ для того, чтобы похоронить своего внука,

rons à Kech ceux des tombeaux de l'émir Taraghaï, père de Timour, et de Djekhanguir, fils aîné du conquérant; à Samarcande, toute une série de mausolées avec une petite mosquée, érigés par Tamerlan près du mazar Chah-zindé, en mémoire de ses frères et sœurs, de sa nourrice et de sa fille, ainsi que de plusieurs de ses femmes. Citons encore le mausolée de toutes les autres femmes de ce prince, bâti à côté de la mosquée cathédrale, et encore, près de la mosquée „Gour-émir“, le mausolée de Mohammed-Sultan, petit-fils de Tamerlan.

En ce qui concerne ces édifices il n'est point de prince musulman, dont le règne puisse être comparé à celui de Timour. Malheureusement, ces témoins de l'époque éclatante du règne de Tamerlan sont réduits aujourd'hui à un tel état de délabrement—en partie par suite des tremblements de terre, fréquents dans le pays, mais bien plus encore par l'insuffisance des réparations durant la domination des successeurs de Timour—que la tâche de les entretenir désormais est devenue excessivement difficile, pour quelques-uns même tout à fait inexecutable. Il n'est plus possible de conserver ces monuments à la postérité que par la voie de plans et de dessins. Guidée par ce principe, la Commission Impériale Archéologique mit à l'étude, en 1895, la question soulevée à cette époque par l'entretien des mosquées de Samarcande. Les projets de la Commission rencontrèrent un écho sympathique auprès du secrétaire d'Etat de-Witte, alors ministre des finances. Le ministre sut apprécier la valeur scientifique de cette entreprise et, l'ayant prise à cœur, il sollicita de SA MAJESTÉ l'EMPEREUR de toutes les Russies les subsides nécessaires à l'exécution et à la publication d'un album des mosquées de Samarcande.

La première livraison de cet album est actuellement terminée. Elle est entièrement consacrée à la mosquée „Gour-émir“, où se trouve le tombeau de Tamerlan.

Fondé l'an 807 de l'Hégire (1404 après J.-C.), cet édifice s'est assez bien conservé jusqu'à nos jours. Il frappe d'admiration le spectateur par l'immensité de son dôme cannelé, jadis tout revêtu de majoliques et couronné—ainsi le veut la tradition—d'un globe en or. Ses murs resplendissaient de dalles multicolores, qui se transforment par endroits en une fine mosaïque, formant de ravissantes panneaux. Cette mosaïque, composée de petits morceaux de majolique sciés, représente des branches stylisées, à feuilles et à fleurs, sur fond bleu, ainsi que des inscriptions multiples, le plus souvent arabes, quelquefois persanes.

L'édifice en question, comme toutes les mosquées, était réservé à la prière en commun. Tamerlan n'a sans doute pas eu l'intention de transformer ce bâtiment en mausolée; c'était bien une mosquée qu'il construisait, avec deux minarets ¹⁾.

Suivant un témoignage littéraire, Tamerlan désirait être enterré dans son pays natal, à Kech. Ce fait nous est rapporté par Gonzalez de Clavijo, ambassadeur du roi de Castille, qui, pendant son voyage à Samarcande, séjourna à Kech. En décrivant cette ville, Clavijo parle d'une quantité de grandes mosquées, dont une surtout lui fit une vive impression. Érigée par les soins de Tamerlan, elle n'était pas encore terminée. Cette mosquée contenait une grande chapelle ²⁾, où était enseveli le père de Timour. Une autre chapelle, que Timour fit bâtir pour sa propre sépulture, n'était pas achevée non plus. „On dit“, raconte Clavijo, „qu'à son passage en ces lieux, il y a un mois, Tamur-bec fut mécontent de cette chapelle, car la porte en était basse. Il donna aussitôt l'ordre de la refaire et, à l'heure présente, des artistes sont en train d'exécuter ce travail“ ³⁾.

Si tel était vraiment le vœu de Timour, ce vœu ne fut pas réalisé. Ce n'est pas à Kech que reposent ses ossements, mais bien à Samarcande; il est probable que ce fait est dû à des complications politiques, survenues après la mort de Timour et par suite desquelles son autre désir, concernant le droit de succession au trône, ne fut pas davantage accompli. Mais, même à Samarcande, l'emplacement de la sépulture de Timour ne fut point d'abord définitivement fixé. On l'ensevelit une première fois dans un autre édifice et non pas dans la mosquée „Gour-émir“. Pour bien déterminer cet autre bâtiment, il faut d'abord étudier le lieu de sépulture primitive de son petit-fils Mirza-Mohammed-Sultan. Les détails qui s'y rapportent se trouvent dans le livre de Chéréfeddin-Ali, natif d'Yezd qui contient l'histoire du règne de Timour, ouvrage connu sous le nom de „Zéfer Namé“ (Livre des Victoires). L'auteur y affirme qu'après la mort de Mirza-Mohammed, survenue bientôt après la bataille d'Angora, où ce prince avait fait preuve d'une haute valeur, Timour ordonna d'ériger en mémoire du défunt un splendide mausolée à coupole ⁴⁾, à côté du médressé élevé par ce prince. „La ceinture du dôme était en marbre, ornée d'or et d'azur; on creusa aussi un caveau pour y déposer le corps du Prince“ ⁵⁾. Ce passage, un peu obscur, ferait présumer qu'il s'agit là de la mosquée „Gour-émir“; mais, en comparant ces renseignements avec le récit de Gonzalez de Clavijo et avec un autre passage de Chéréfeddin lui-même, nous arrivons à une toute autre conclusion. En effet, le premier de ces auteurs écrit: „Jeudi le 30 octobre le roi (c. à d. Timour) quitta sa horde pour se rendre en ville et s'arrêta dans

¹⁾ Русскіе застали только одинъ минаретъ; онъ также рухнулъ 18 мая 1903 года.

²⁾ Подъ часовней здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, надо разумѣть хакекахъ.

³⁾ „Жизнь и дѣянія Великаго Тамерлана“, сочиненіе Клавихо. (Русскій переводъ О. И. Срезневской и испанскій текстъ помѣщены въ Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XXVIII, СПб., 1881 г., стр. 233).

⁴⁾ Въ персидскомъ текстѣ сказано: „построить куполъ (кубба), подобный небу“.

⁵⁾ Histoire de Timur-bec, connu sous le nom du Grand Tamerlan, écrite en persan par Cherefeddin Ali, natif d'Yezd, auteur contemporain. Traduite en français par Petis de la Croix. T. IV, Paris, 1722, pp. 176 et 177.

¹⁾ Les Russes ne trouvèrent plus qu'un seul de ces minarets debout; il ne tarda pas à s'écrouler le 31 Mai 1903.

²⁾ Le mot „chapelle“ indique dans ce cas, comme partout ailleurs, le „khanécal“.

³⁾ Vida y hazañas del gran Tamorlan, escrita por Ray Gonzalez de Clavijo. (Recueil de l'Académie Impériale des Sciences; section de langue et de littérature russe; t. XXVIII, St-Petersbourg, 1881, p. 233).

⁴⁾ Le texte persan dit: „élever une coupole, pareille au ciel“.

⁵⁾ Histoire de Timur-bec, connu sous le nom du Grand Tamerlan, écrite en persan par Cherefeddin Ali, natif d'Yezd, auteur contemporain. Traduite en français par Petis de la Croix, t. IV, Paris, 1722, pp. 176 et 177.

по имени Махомедъ Султана мирасу..... Царь очень любилъ его и потому приказалъ построить эту мечеть, домъ и гробницу..... Часовня была четырехугольная, очень высокая и какъ внутри, такъ и снаружи расписана золотомъ и лазурью и отдѣлана изразцами и стекломъ. Когда внукъ царя умеръ въ Турціи, царь прислалъ тѣло его въ Самаркандъ, чтобы похоронить, и приказалъ сказать городскому управленію, чтобы построили эту мечеть и гробницу. Когда же царь самъ возвратился, онъ остался недоволенъ часовней, потому что—говорилъ онъ—она была слишкомъ низка; онъ приказалъ разломать ее и въ десять дней построить вновь подлѣ страхомъ строгаго наказанія; тутъ надо было такъ торопиться, что работали день и ночь..... Эта часовня была построена и окончена въ эти десять дней, и нельзя не удивляться, что такая большая работа совершена въ такое короткое время¹⁾. Изъ разясненія видно, что куполообразная усыпальница есть не мечеть, которую ни въ какомъ случаѣ невозможно было бы перестроить въ десять дней, а, по выраженію Клавихо, часовня, т.-е. ханекахъ; это же слово примѣняетъ и Шерефъ-эд-Динъ къ усыпальницѣ Мухаммедъ-Султана.

О погребеніи Тимура Шерефъ-эд-Динъ говоритъ, что гробъ съ тѣломъ Тимура изъ Отрара, гдѣ скончался Тимуръ, прибылъ въ Самаркандъ 22 шаабана 807 года (= 23 февраля 1405 г.) и былъ похороненъ съ обычными церемоніями, но гдѣ именно—этихъ подробностей не указываетъ²⁾ и только немного дальше, въ рассказѣ о воцареніи въ Самаркандѣ Халиля Султана, передаетъ, что новый государь черезъ два дня по вступленіи на престолъ отправился въ усыпальницу (ханекахъ) покойнаго мирзы Мухаммедъ-Султана, гдѣ находилась и могила Тимура, чтобы исполнить свой долгъ и совершить публично обрядъ печалованія³⁾.

Такимъ образомъ Тимуръ былъ похороненъ въ извѣстномъ уже намъ мавзолѣ Мухаммедъ-Султана. Такіе мавзолеи (ханекахи) устраиваются обыкновенно близъ мечетей, а такъ какъ при дворцѣ Мухаммедъ-Султана, гдѣ былъ сооруженъ ханекахъ, таковой не было, то Тимуръ и призналъ необходимымъ построить мечеть. Вотъ по какимъ причинамъ возникло это куполообразное зданіе, которое у нѣкоторыхъ мѣстныхъ писателей такъ и называется куббэ, т.-е. „куполъ“.

Далѣе Шерефъ-эд-Динъ сообщаетъ, что такъ какъ Тимуръ, вслѣдствіе своего почитанія шерифовъ (потомки родственниковъ Мухаммеда), много разъ высказывалъ пожеланіе, чтобы его могила была помѣщена ниже могилы шейха сейида Береке (по мѣстному: сейидъ Барка), то, въ исполненіе этого желанія, послѣдовало повелѣніе перенести изъ Андохъ гробъ шейха для погребенія подлѣ куполообразнымъ зданіемъ, которое Тимуръ приказалъ выстроить близъ „софы“ (эстрада) ханекаха, а прахъ Тимура помѣстили ниже могилы шейха. Перенесли въ тотъ же мавзолей также и тѣло мирзы Мухаммедъ-Султана и похоронили сбоку этого святаго⁴⁾. Здѣсь, несомнѣнно, рѣчь идетъ о куполообразной мечети.

Почему состоялись всѣ эти перемѣщенія на новое мѣсто? Потому ли, что въ ханекахѣ не оказалось надлежащаго мѣста, или потому, что сейиду Береке болѣе приличествовало покоиться въ молитвенномъ домѣ, чѣмъ въ простой усыпальницѣ для свѣтскихъ людей—сказать трудно⁵⁾.

Итакъ, мечеть, построенная для молитвы, обратилась въ усыпальницу и получила въ литературѣ названіе мечети сейида Береке или въ обычномъ разговорѣ Гуръ-Эмиръ, т.-е. „Могила Эмира“, при чемъ подлѣ эмирѣмъ разумѣется Тимуръ, хотя тамъ же были похоронены впослѣдствіи и другіе Тимуриды, какъ царствовавшіе, такъ и не царствовавшіе. Для погребенія былъ устроенъ склепъ, находившійся подлѣ поломъ зданія и имѣвшій особый входъ снаружи, а потому верхняя, надземная часть могла оставаться мечетью; но и она вскорѣ обратилась въ мавзолей, такъ какъ тамъ были поставлены вторичныя надгробія, размѣщенные въ томъ же порядкѣ и на соответствующихъ же мѣстахъ, какъ и въ склепѣ.

Самаркандскій писатель XIX в. Абу-Тахиръ-ходжа въ своемъ сочиненіи „Самарія“ пишетъ: „Рассказываютъ, что, когда султанъ Шахъ-Роухъ явился изъ Герата въ Самаркандъ, онъ, опасаясь враговъ, перенесъ останки своего высокаго отца изъ усыпальницы въ другое (неизвѣстное) мѣсто и похоронилъ“⁶⁾.

Повидимому, здѣсь заключается недоразумѣніе. Зачѣмъ Шахъ-Роуху нужно было скрывать прахъ Тимура? Даже и враги послѣдняго едва ли бы рѣшились посягнуть на его могилу, такъ какъ къ покойникамъ мусульмане всегда относятся съ почтеніемъ и считаютъ грѣхомъ тревожить ихъ кости. Исторіографъ царствованія Шахъ-Роуха Кемаль-эд-Динъ Абд-ур-Раззакъ въ своемъ сочиненіи „Матла'-асса-дейнъ уа маджма'-ал-бахрейнъ“ ничего не говоритъ объ этомъ событіи; между тѣмъ старшій сынъ Шахъ-Роуха, Улугъ-бекъ, поставилъ въ верхнемъ ярусѣ нефритовое надгробіе надъ могилой Тимура, а едва ли бы онъ это сдѣлалъ, если бы гробъ Тимура былъ пере-

ла maison de la mosquée qu'il avait bâtie, pour y déposer le corps de son petit-fils Mirza-Mohammed-Sultan..... Le roi l'aimait beaucoup et c'est pourquoi il fit bâtir cette mosquée, la maison et le mausolée..... La chapelle était quadrangulaire, très élevée et à l'intérieur, comme à l'extérieur, peinte d'or et d'azur et revêtue de panneaux en faïence et en verre. Lorsque le petit-fils du roi mourut en Turquie, le roi expédia son corps à Samarcande pour l'y enterrer, et fit dire aux autorités municipales d'ériger cette mosquée et ce mausolée. Mais une fois revenu en personne, le roi fut mécontent de la chapelle, car, disait-il, elle était trop basse; il donna l'ordre de la démolir et de la rebâtir en dix jours, sous peine de châtement sévère; il fallut se dépêcher à tel point qu'on travailla jour et nuit..... Cette chapelle fut érigée et complétée en ces dix jours, et l'on ne saurait assez admirer qu'un si grand travail ait été exécuté en un aussi court espace de temps¹⁾. Il est clair, que le mausolée à dôme, décrit par Clavijo, ne saurait être une mosquée, car il serait tout à fait impossible de rebâtir un tel édifice en dix jours. Clavijo emploie le mot „chapelle“, ce qui désigne un khanécah; le même terme est également employé par Chéréfeddin, en parlant du mausolée de Mohammed-Sultan.

Quant à la sépulture de Timour, Chéréfeddin nous apprend que le cercueil renfermant le corps de ce souverain fut transporté d'Otrar où Timour expira le 22 schaaban 807 (= 23 février 1405) et mis en sépulture avec les rites usuels; mais il ne nous dit pas²⁾ où tout cela s'est passé. Ce n'est que plus tard, en parlant de l'avènement au trône à Samarcande de Mirza-Khalil-Sultan, que l'auteur raconte comment le nouveau souverain se rendit, deux jours après son couronnement, au mausolée (khanécah) du défunt Mirza-Mohammed-Sultan, où se trouvait aussi le tombeau de Timour. Mirza-Khalil venait, comme c'était son devoir, y accomplir le cérémonial d'un deuil public³⁾.

Ainsi Timour avait été enseveli dans le mausolée de Mohammed-Sultan. Ces mausolées (khanécah) étaient généralement construits à proximité des mosquées; mais comme le palais de Mohammed-Sultan avec son „khanécah“ ne possédait pas de mosquée, Timour trouva nécessaire d'en faire construire une et c'est ainsi que fut bâti cet édifice à dôme, que certains écrivains locaux appellent „qoubbé“ (coupole).

Chéréfeddin dit encore que Timour, à cause de son amitié pour les chérifs (descendants de la famille de Mohammed), exprimait fréquemment le désir que sa tombe fût placée au-dessous de celle du cheik séide Béréké (forme dialectale: séide Barka). En obéissance à cette volonté, on fit transporter le cercueil de ce saint homme d'Andkhoi à Samarcande pour le mettre en sépulture sous l'édifice à dôme, que Timour avait fait bâtir dans le voisinage de la „sopha“ (estrade) du khanécah. Plus la dépouille mortuelle de Timour fut déposée au-dessous de la tombe du cheik. On transporta aussi dans ce même mausolée le corps de Mirza-Mohammed-Sultan et on le mit à côté du cheik⁴⁾. Il s'agit ici indubitablement de la mosquée à dôme.

Pourquoi tous ces déplacements? Est-ce à cause du manque d'espace dans le khanécah, ou bien jugeait-on plus convenable que le corps du séide Béréké fût enseveli dans une maison de prière et non dans un simple mausolée destiné à des laïques? Il nous serait difficile de répondre à ces questions⁵⁾.

Quoiqu'il en soit, la mosquée pour la prière se transforma ainsi en mausolée et fut appelée dans le langage littéraire mosquée du séide Béréké et vulgairement Gour-émir, c. à d. „tombe de l'émir“. Dans ce cas on sous-entend l'émir Timour, quoique d'autres Timourides, les uns ayant régné, les autres non, aient été postérieurement enterrés dans cette même mosquée.

Un caveau spécial y était destiné aux sépultures. Ce caveau était placé sous le plancher de l'édifice et possédait une entrée séparée du dehors. Grâce à cet arrangement l'étage supérieur du bâtiment pouvait fonctionner comme mosquée, indépendamment du caveau. Néanmoins l'étage supérieur se transforma bientôt aussi en mausolée, car on y plaça des pierres tombales, semblables à celles du caveau, et on les disposa dans le même ordre et aux endroits exactement correspondants aux pierres de l'étage inférieur.

Un auteur de Samarcande écrivant au XIX siècle, Abou-Tahir-Khodja dit dans son livre intitulé „Samarie“: „On assure que le sultan Chah-Roukh, lorsqu'il vint de Hérat à Samarcande, enleva, par crainte des ennemis, les restes de son illustre père du mausolée, où ils étaient ensevelis et les transporta dans un autre endroit qu'on ignore, et où il les mit en terre“⁶⁾.

Nous sommes ici en présence d'un malentendu. Car quel intérêt aurait-il eu, ce Chah-Roukh, à cacher les dépouilles de Timour? Les ennemis même de ce conquérant auraient à peine osé attenter à sa tombe, les musulmans ayant de tout temps professé un grand respect pour les morts et considéré la profanation des sépultures comme un péché.

L'historiographe du règne de Chah-Roukh, Kemaleddin-Abd-our-Razzak ne dit pas un mot dans son livre „Matla'-assaaddéine“ ou

¹⁾ „Жизнь и дѣянія Великаго Тамерлана“, стр. 314 и 315.—Этотъ рассказъ вполне удовлетворительно объясняетъ показаніе Шерефъ-эд-Дина о томъ, что Тимуръ, по возвращеніи изъ похода, въ короткое время дважды посѣщалъ постройки, связанная съ именемъ Мухаммедъ-Султана.

²⁾ Histoire de Timur-bec, t. IV, pp. 240 et 241.

³⁾ Ibidem, p. 285.

⁴⁾ Ibidem, p. 286.

⁵⁾ Здѣсь не дѣлается ссылки на автобіографію Тимура (Муль-фазат-и-Тимури), во-первыхъ потому, что это сочиненіе считается подложнымъ, а во-вторыхъ, оно ничего не прибавляетъ къ разрѣшенію данного вопроса.

⁶⁾ „Самарія“ въ переводѣ В. Л. Вяткина. (Справочная книжка Самаркандской области 1898 г. Выпускъ VI, Самаркандъ, 1899 г., стр. 184).

¹⁾ „Vida y hazas del gran Tamorlan“, pp. 314 et 315.—Ainsi s'explique parfaitement le récit de Chéréfeddin, d'après lequel Timour, au retour d'une campagne, visita à deux reprises et à peu de distance les constructions ayant trait au nom de Mohammed-Sultan.

²⁾ „Histoire de Timur-bec“, t. IV, pp. 240 et 241.

³⁾ Ibidem, p. 285.

⁴⁾ Ibidem, p. 286.

⁵⁾ Nous passons sous silence l'autobiographie de Timour (The Mulfazat Timury or Autobiographical memoirs of the Mogul Emperor Timur, transl. in to English by C. Stewart, London, 1830), l'authenticité de cet ouvrage étant douteuse; d'ailleurs ce livre n'éclaircit rien la question qui nous intéresse.

⁶⁾ „Samarie“, trad. par W. L. Wiatkine. (Livret de renseignements concernant la province de Samarcande). Livr. VI, Samarcande, 1899, p. 184.

везень въ другое мѣсто. Можно думать, что къ возникновенію этой легенды послужили два обстоятельства: первое то, что Шахъ-Рохъ, овладѣвъ отцовскимъ престоломъ, сдѣлалъ столицею своею Герать, а въ Самаркандѣ поставилъ намѣстникомъ Улугъ-бека; второе — перенесеніе Халилемъ Султаномъ гроба съ останками своего дѣда изъ ханекаха въ куббэ.

Что касается до ханекаха, то онъ, хотя и въ очень печальномъ видѣ, все-таки сохранился до нашего времени и находится на востокъ отъ мечети Гуръ-Эмиръ. Теперь онъ не имѣетъ никакого названія и первоначальное назначеніе его, за изытіемъ оттуда гробовъ, утратилось у мѣстнаго населенія. По архитектурному плану и купольному покрытію онъ вполне подтверждаетъ вышеприведенныя литературныя свидѣтельства; въ настоящее время склепъ открытъ и въ значительной степени наполненъ землею. Медресе же, построенное Мухаммедъ Султаномъ, не уцѣлѣло, и безъ раскопокъ трудно сказать, гдѣ оно находилось.

Первоначально зданіе Гуръ-Эмиръ имѣло видъ восьмиугольной башни, на которой возвышался барабанъ, увѣнчанный грандіознымъ куполомъ; входъ въ мечеть обращенъ на сѣверъ. Отдѣльно, съ правой и съ лѣвой стороны, подымалось два минарета круглой формы. Улугъ-бекъ, унаслѣдовавшій отъ своего дѣда увлеченіе строительствомъ, сдѣлалъ къ мечети рядъ пристроекъ. Онъ соорудилъ новую лицевую стѣну, которую продолжилъ до минаретовъ, выстроивъ передъ нею величественныя ворота, и окружилъ дворъ стѣнами, въ которыхъ, можетъ-быть, помѣщались комнаты (худжры) для студентовъ. Эти пристройки довольно рѣзко отдѣляются отъ основной мечети и отмѣчены прозвищемъ Улугъ-бека — Бедіу-з-земанъ, т.е. „Чудо своего времени“. Самая верхняя часть купола мечети когда-то провалилась и, можетъ-быть, тогда утратилась большая часть изразцовъ, его покрывавшихъ, а также и золотой шаръ. Задѣлка купола, хотя произведена довольно искусно, все-таки отличается отъ прежней кладки.

Высота мечети Гуръ-Эмиръ внутри зданія — 10,54 сажени (22,55 метр.), высота наружная — 15,93 саж. (34,09 м.); высота минарета — 11,86 саж. (25,38 м.); высота воротъ — 5 саж. 2 арш. (12,07 м.). Квадратное содержаніе основного зданія: главный корпусъ $7,5 \text{ саж.} \times 9 \text{ саж.} = 67,5 \text{ кв. саж.}$ (308,16 кв. м.); два минарета — $2 \times 3,14 \cdot 0,6^2 = 2,26 \text{ кв. саж.}$ (10,35 кв. м.). Квадратное содержаніе пристроекъ вмѣстѣ съ воротами: $6,5 \times 13 + 4 \times 9,3 + 3,6,3 + 4 \times 4 + 4,3 \times 2,5 = 84,5 + 37,2 + 18,9 + 16 + 10,75 = 167,35 \text{ кв. саж.}$ (765 кв. м.).

madjma-albahreïn“, touchant cet événement; d'autre part, le fils de Chah-Roukh, Olough-Beg, posa à l'étage supérieur du sépulcre de Timour, une pierre tombale en néphrite. Il semble plus que douteux qu'Olough-Beg eût accompli cet acte de piété, si le cercueil de Timour avait été transporté ailleurs. Deux circonstances ont pu contribuer à la légende rapportée par l'auteur du „Samarié“. La première, c'est que Chah-Roukh-Mirza, après s'être emparé du trône de son père, transporta sa résidence à Hérat et chargea Olough-Beg des fonctions de lieutenant à Samarcande; la seconde, c'est le transport effectué par Khalil-Sultan du cercueil, renfermant les restes de son grand-père du khanécah au qoubbé.

Quant à ce khanécah, bien que dans un état déplorable, il a tout de même résisté jusqu'à nos jours et se trouve actuellement à l'Est de „Gour-émir“. Aujourd'hui aucun nom n'est attaché à cet édifice et son ancienne destination est, depuis l'enlèvement des cercueils, complètement oubliée de la population locale. Cependant le plan architectural de l'édifice et son toit en dôme confirment indubitablement les citations ci-dessus. De nos jours le caveau est ouvert et très plein de terre. Le médressé, bâti par Mohammed-Sultan, n'a pas survécu, et des fouilles seules pourraient maintenant en faire connaître l'emplacement.

Tout d'abord le „Gour-émir“ avait l'aspect d'une tour octogone, surmontée d'un tambour que couronnait un énorme dôme cannelé. L'entrée de la mosquée était orientée vers le Nord. A droite et à gauche s'élevaient, à une certaine distance, deux minarets de forme ronde. Olough-Beg, qui avait hérité de son grand-père la passion de construire, ajouta à cette mosquée une série de bâtimens. Il érigea un nouveau mur de façade, prolongé jusqu'aux minarets. Devant ce mur il éleva un portail grandiose. La cour de la mosquée fut entourée de murailles, contenant probablement des chambres pour les étudiants. Toutes ces bâtisses diffèrent assez sensiblement de la mosquée capitale. Elles sont connues sous le surnom que portait d'Olough-Beg „Bédiou-z-zéman“, c. à d. „Merveille de son temps“. Le sommet du dôme s'est un jour écroulé et c'est alors sans doute qu'une quantité de panneaux en faïence, qui recouvraient le dôme, se sont égarés, ainsi que la boule en or. Les parties restaurées du dôme, quoique d'un travail assez satisfaisant, diffèrent néanmoins de la bâtisse ancienne.

La hauteur de la mosquée „Gour-émir“, à l'intérieur de l'édifice est de 22,55 mètres; la hauteur extérieure est de 34,09 m.; la hauteur du minaret de 25,38 m.; la hauteur du portail de 12,07 m. La surface est de 308,16 m. c., pour le corps principal, de 10,35 m. c. pour les deux minarets, et de 765 m. c. pour l'ensemble des bâtimens, compris le portail.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ СКЛЕПЪ — CAVEAU FUNÉRAIRE

Кокъ-ташъ—мраморный тронъ Тамерлана — Kok-tache ou trône en marbre de Tamerlan

ОГЛАВЛЕНИЕ ТАБЛИЦЪ.

- I. Ворота мечети Гуръ-эмиръ. (Главный фасадъ).
- II. Деталь воротъ мечети Гуръ-эмиръ.
- III. Детали воротъ мечети Гуръ-эмиръ.
- IV. а) Разрѣзъ воротъ мечети Гуръ-эмиръ.
б) Деталь ставни сѣвернаго окна въ пристройкѣ.
в) Деталь двери сѣвернаго входа.
- V. Ворота мечети Гуръ-эмиръ. (Задній внутреннй фасадъ).
- VI. Главный фасадъ мечети Гуръ-эмиръ.
- VII. Деталь барабана и реберъ купола. (Развертка).
- VIII. Разрѣзъ мечети Гуръ-эмиръ.
- IX. Сѣверная внутренняя ниша мечети Гуръ-эмиръ.
- X. а) Разрѣзъ сѣверной внутренней ниши. (Реставрація).
б) Деталь пилястры главнаго фасада.
в) Деталь плана сталактитовъ.
г) Деталь сталактитовъ.
д) Планъ сталактитовъ.
е) Орнаментъ надъ лѣвымъ боковымъ входомъ въ пристройку къ мечети Гуръ-эмиръ.
- XI. Парусъ купола мечети Гуръ-эмиръ и рельефныя бумажныя розетки.
а) Фасадъ.
б) Боковой видъ.
в) Планъ.
- XII. а) Детали панелей внутри мечети Гуръ-эмиръ.
б) Внутренняя панель пристройки къ мечети.
- XIII. Деревянная инкрустированная дверь восточнаго входа въ мечеть Гуръ-эмиръ. (Реставрація).
- XIV. а) Три детали восточной двери.
б) Деталь ставни окна въ пристройкѣ.
- XV. а) Мраморная рѣшетка внутри мечети.
б) Деталь наружной панели.
- XVI. а) Планъ склепа и надгробныхъ плитъ.
б) Общй планъ мечети и воротъ.
в) Планъ воротъ.
- XVII. а) Планъ по парусамъ купола мечети Гуръ-эмиръ.
б) Планъ наружнаго купола мечети Гуръ-эмиръ.
в) Общй планъ мечети Гуръ-эмиръ.
- XVIII. Опредѣленіе устойчивости зданія.
- Рисунки въ текстѣ:
а) Кокъ-ташъ—мраморный тронъ Тамерлана.
б) Нефритовое надгробіе Тамерлана.
в) Погребальный склепъ.

TABLE DES PLANCHES.

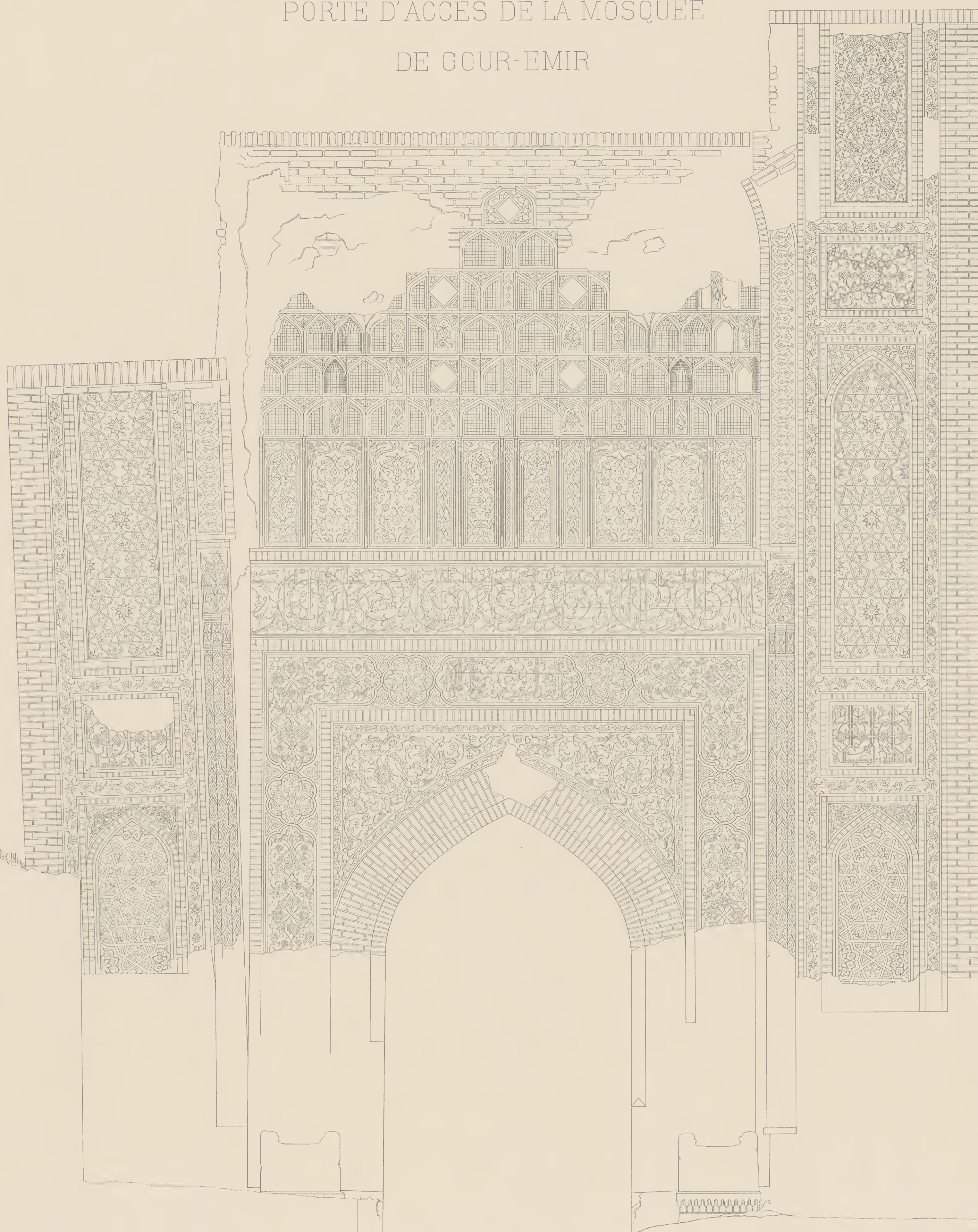
- I. Porte d'accès de la mosquée de Gour-émir. (Façade principale).
- II. Détails de la porte d'accès de la mosquée de Gour-émir.
- III. Détails de la porte d'accès de la mosquée de Gour-émir.
- IV. а) Coupe de la porte d'accès de la mosquée de Gour-émir.
б) Détails du contrevent de la fenêtre au nord, dans l'annexe de la mosquée.
в) Détails de la porte d'accès au nord.
- V. Porte de la mosquée de Gour-émir. (Façade intérieure).
- VI. Façade principale de la mosquée de Gour-émir.
- VII. Détails du tambour et des arêtes de la coupole. (Développement).
- VIII. Coupe de la mosquée de Gour-émir.
- IX. Niche intérieure du nord de la mosquée de Gour-émir.
- X. а) Coupe de la niche intérieure du nord. (Restauration).
б) Détails du pilastre de la façade principale.
в) Détails du plan des stalactites.
г) Détails des stalactites.
д) Plan des stalactites.
е) Ornement au-dessus de l'entrée du côté gauche dans l'annexe de la mosquée de Gour-émir.
- XI. Pendentif de la coupole de la mosquée de Gour-émir et les rosaces de carton en relief.
а) Façade.
б) Vue latérale.
в) Plan.
- XII. а) Détails des lambris à l'intérieur de la mosquée de Gour-émir.
б) Lambris intérieurs de l'annexe de la mosquée.
- XIII. Porte de bois avec incrustations, à l'entrée orientale de la mosquée de Gour-émir. (Restauration).
- XIV. а) Trois détails de la porte orientale.
б) Détails du contrevent de la fenêtre dans l'annexe.
- XV. а) Grille en marbre à l'intérieur de la mosquée.
б) Détails du lambris extérieur.
- XVI. а) Plan du sépulcre et des pierres tumulaires.
б) Plan général de la mosquée et de la porte.
в) Plan de la porte.
- XVII. а) Plan suivant les pendentifs de la coupole de la mosquée de Gour-émir.
б) Plan de la coupole extérieure de la mosquée de Gour-émir.
в) Plan général de la mosquée de Gour-émir.
- XVIII. Détermination de la stabilité de l'édifice.
- Dessins insérés dans le texte:
а) Kok-tache ou trône en marbre de Tamerlan.
б) Pierre en néphrite sur le tombeau de Tamerlan.
в) Caveau funéraire.

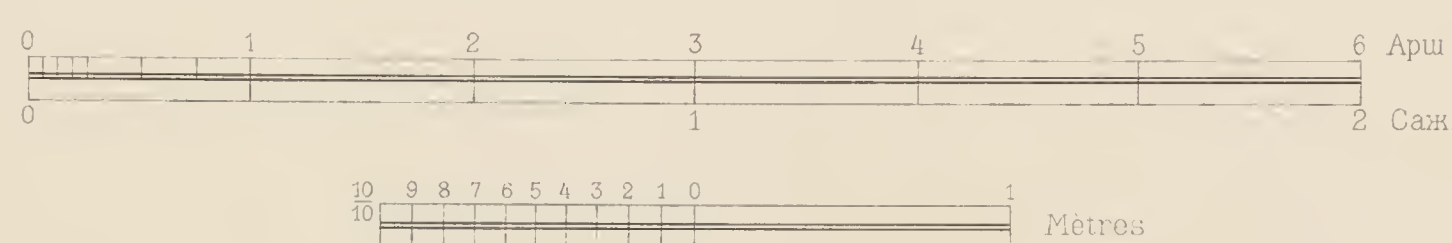

ВОРОТА МЕЧЕТИ „ГУРЪ-ЭМИРЪ“

PORTE D'ACCÈS DE LA MOSQUÉE
DE GOUR-EMIR.

ГЛАВНЫЙ ФАСАДЪ — FAÇADE PRINCIPALE

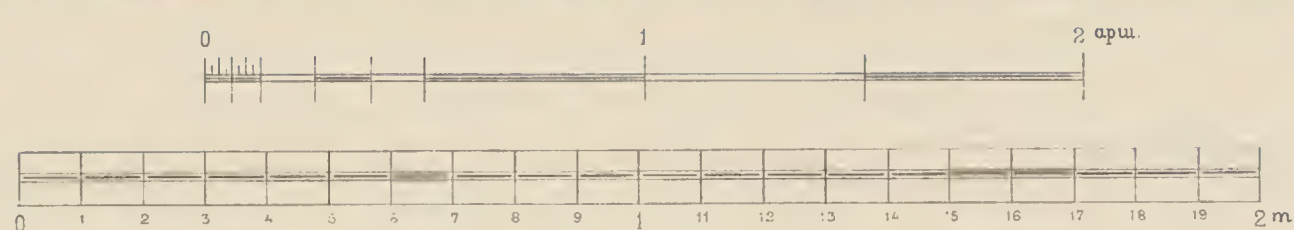
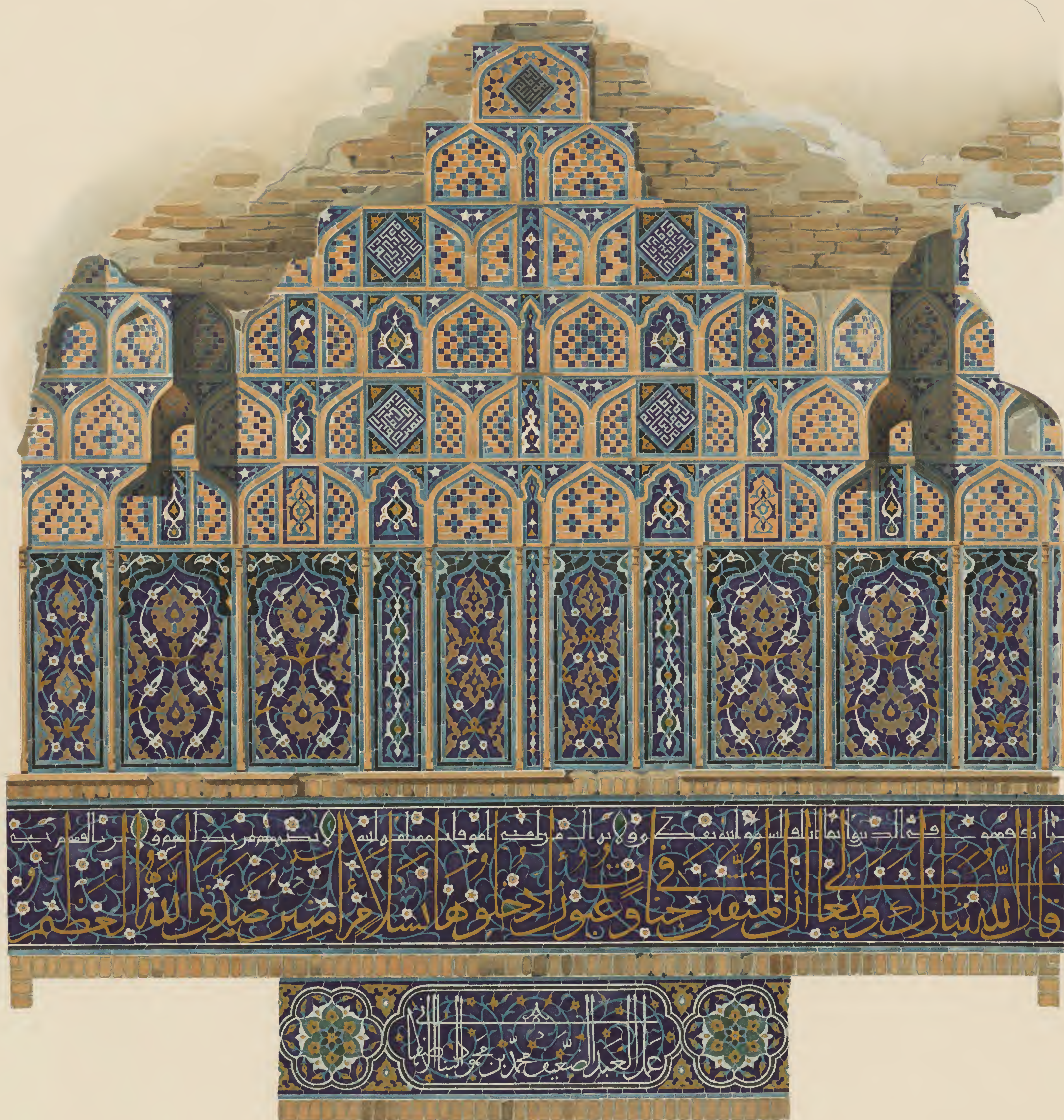

ДЕТАЛЬ ВОРОТЪ МЕЧЕТИ „ГУРЪ-ЭМИРЪ“

въ Самаркандѣ

DÉTAILS DE LA PORTE D'ACCÈS DE LA MOSQUÉE DE GOUR-EMIR.

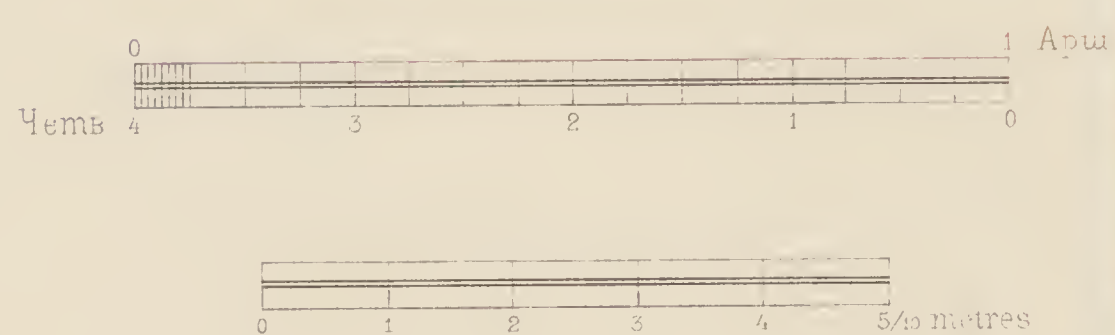

ДЕТАЛИ ВОРОТЪ МЕЧЕТИ „ГУРЪ-ЭМИРЪ”

DÉTAILS DE LA PORTE D'ACCÈS DE LA MOSQUÉE DE GOUR-EMIR.

РАЗРѢЗЪ ВОРОТЪ МЕЧЕТИ ГУРЪ-ЭМИРЪ, ПО ЛИНИИ А-В.

(СМ. ТАБЛ. XVI, ПЛАНЪ ВОРОТЪ).

COUPE DE LA PORTE D'ACCÈS DE LA MOSQUÉE DE GOUR-ÉMIR, SUR A-B

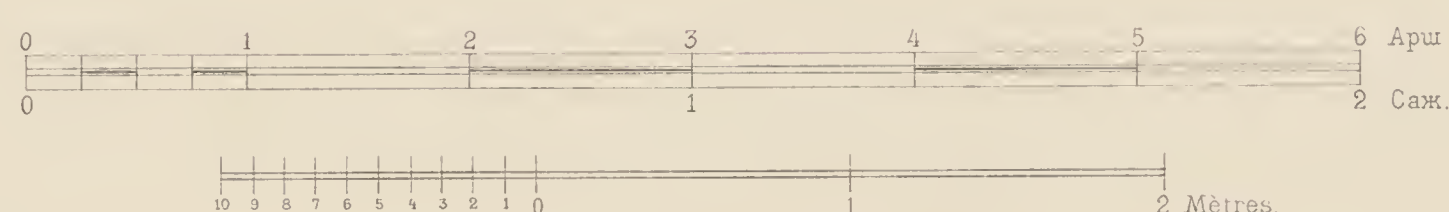
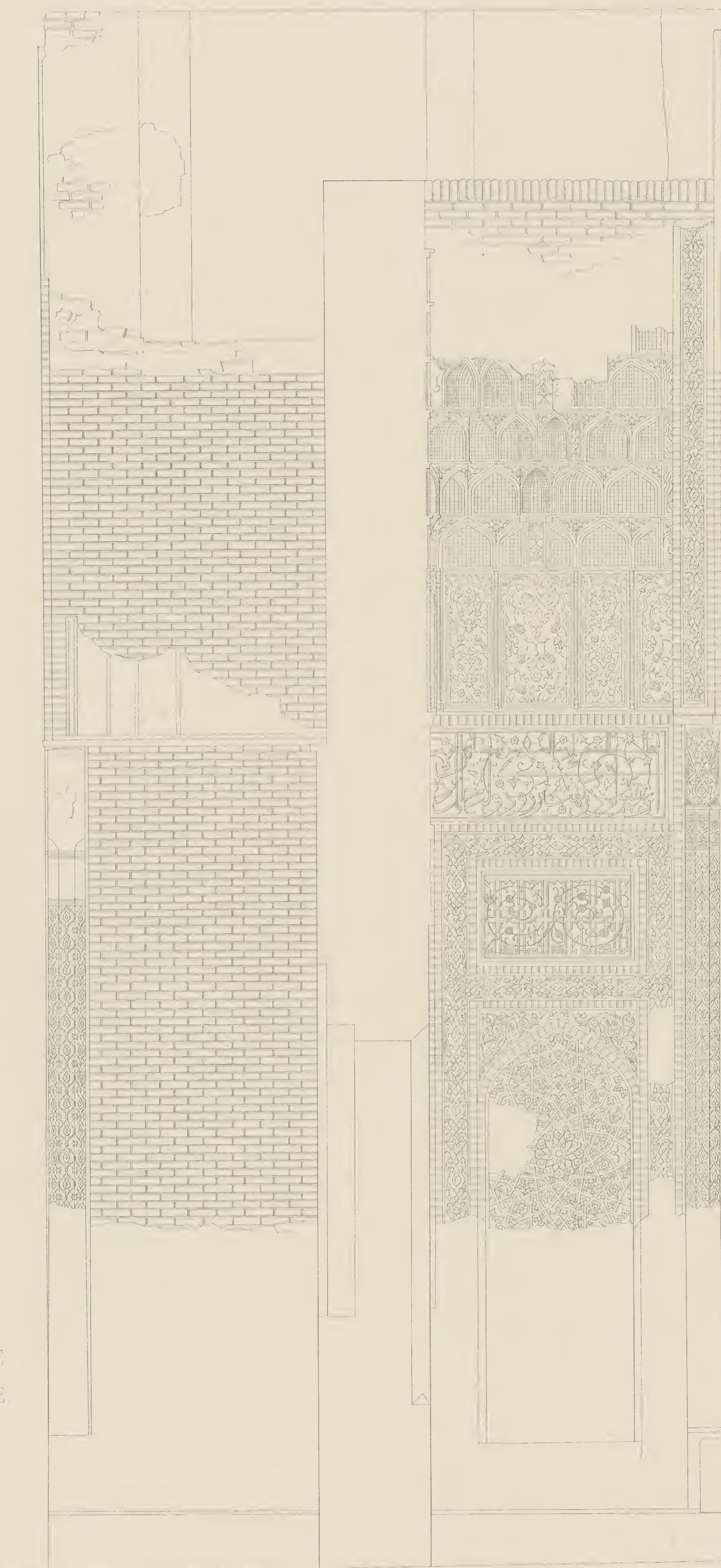
(VOIR PLANCHE XVI, PLAN DE LA PORTE).

ДЕТАЛЬ СТАВНИ СЪВЕРНАГО ОКНА
ВЪ ПРИСТРОЙКѢ. $\frac{1}{4}$ НАТ. ВЕЛ.DÉTAILS DU CONTREVENT DE LA FENÊTRE
AU NORD, DANS L'ANNEXE DE LA MOSQUÉE. $\frac{1}{4}$ DE LA GRAND. NAT.

ДЕТАЛЬ ДВЕРИ СЪВЕРНАГО ВХОДА

 $\frac{1}{4}$ НАТ. ВЕЛ.

DÉTAILS DE LA PORTE D'ACCÈS AU NORD.

 $\frac{1}{4}$ DE LA GRAND. NAT.

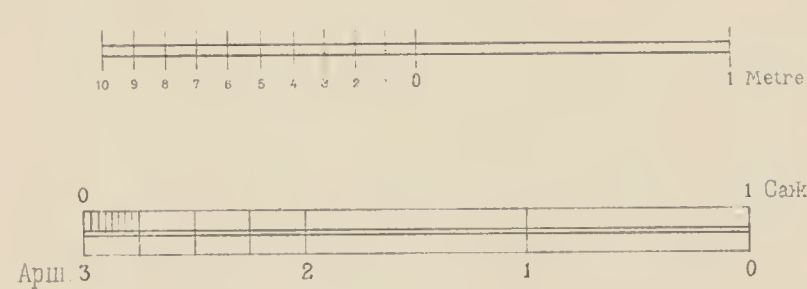
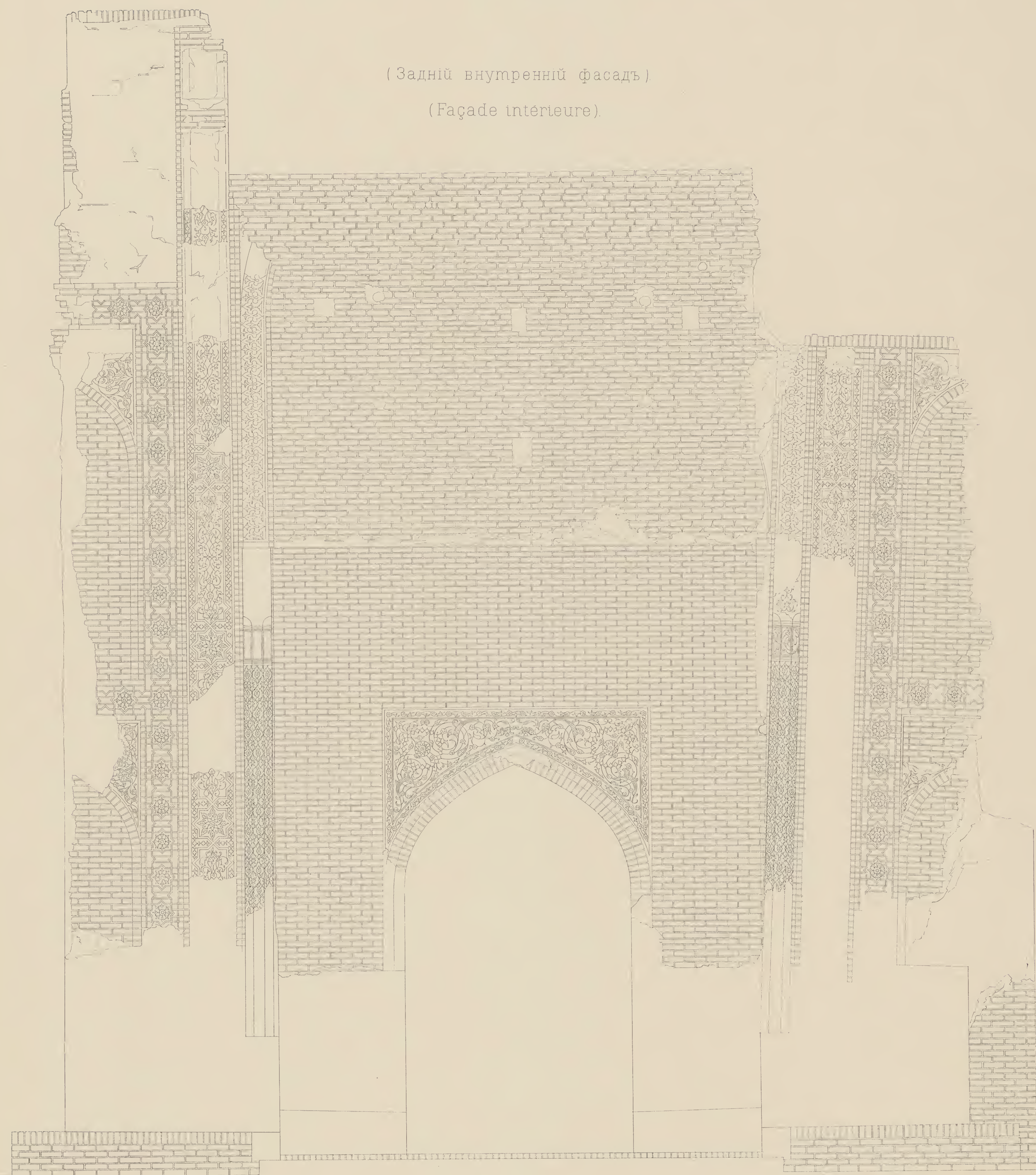

ВОРОТА МАВЗОЛЕЯ МЕЧЕТИ „ГУРЪ-ЭМИРЪ”
 PORTE DE LA MOSQUÉE DE GOUR-EMIR.

(Задній внутрєнній фасадъ)

(Façade intérieure).

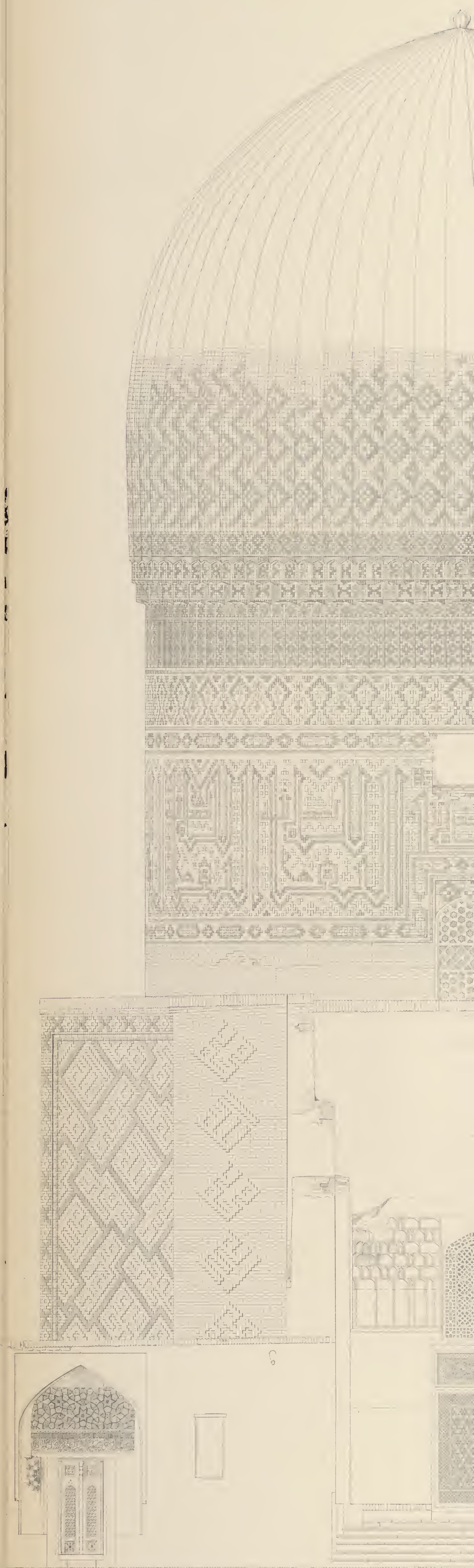
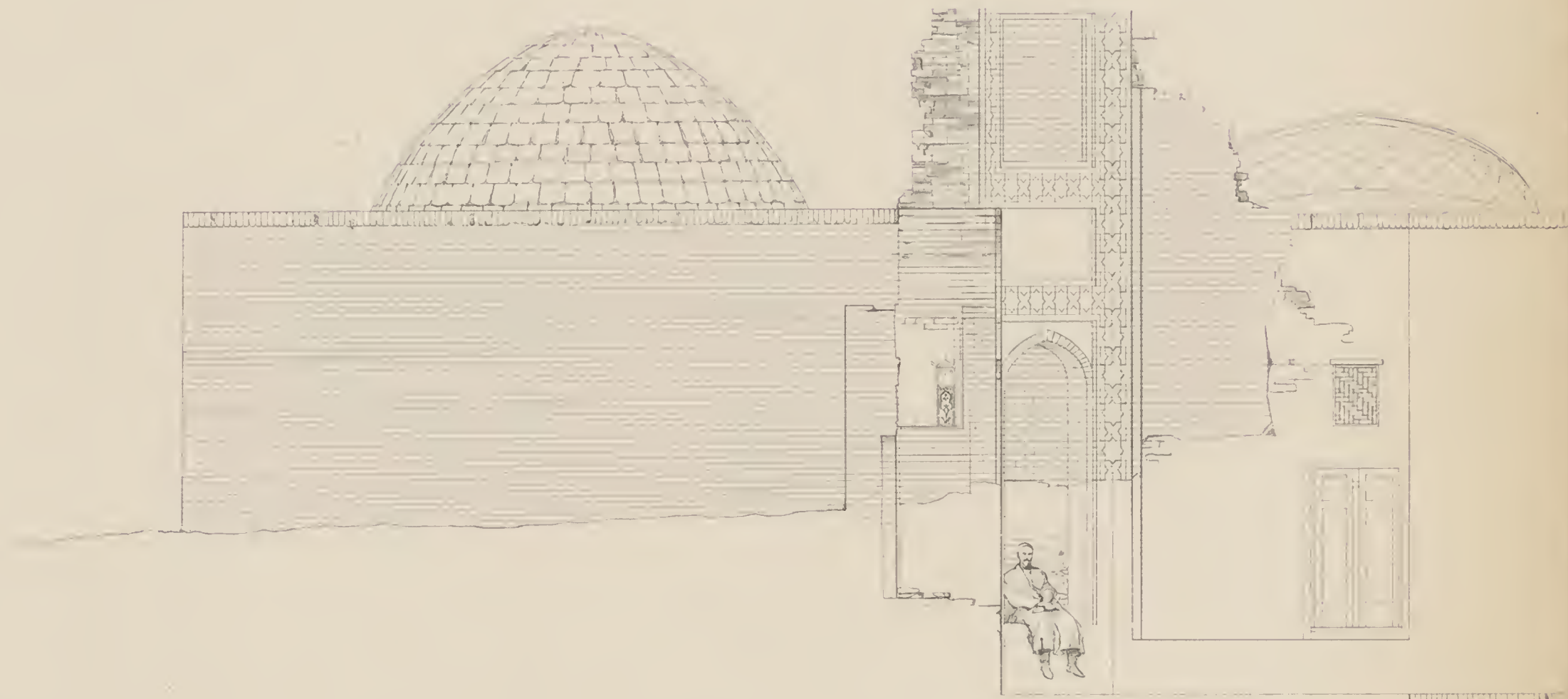

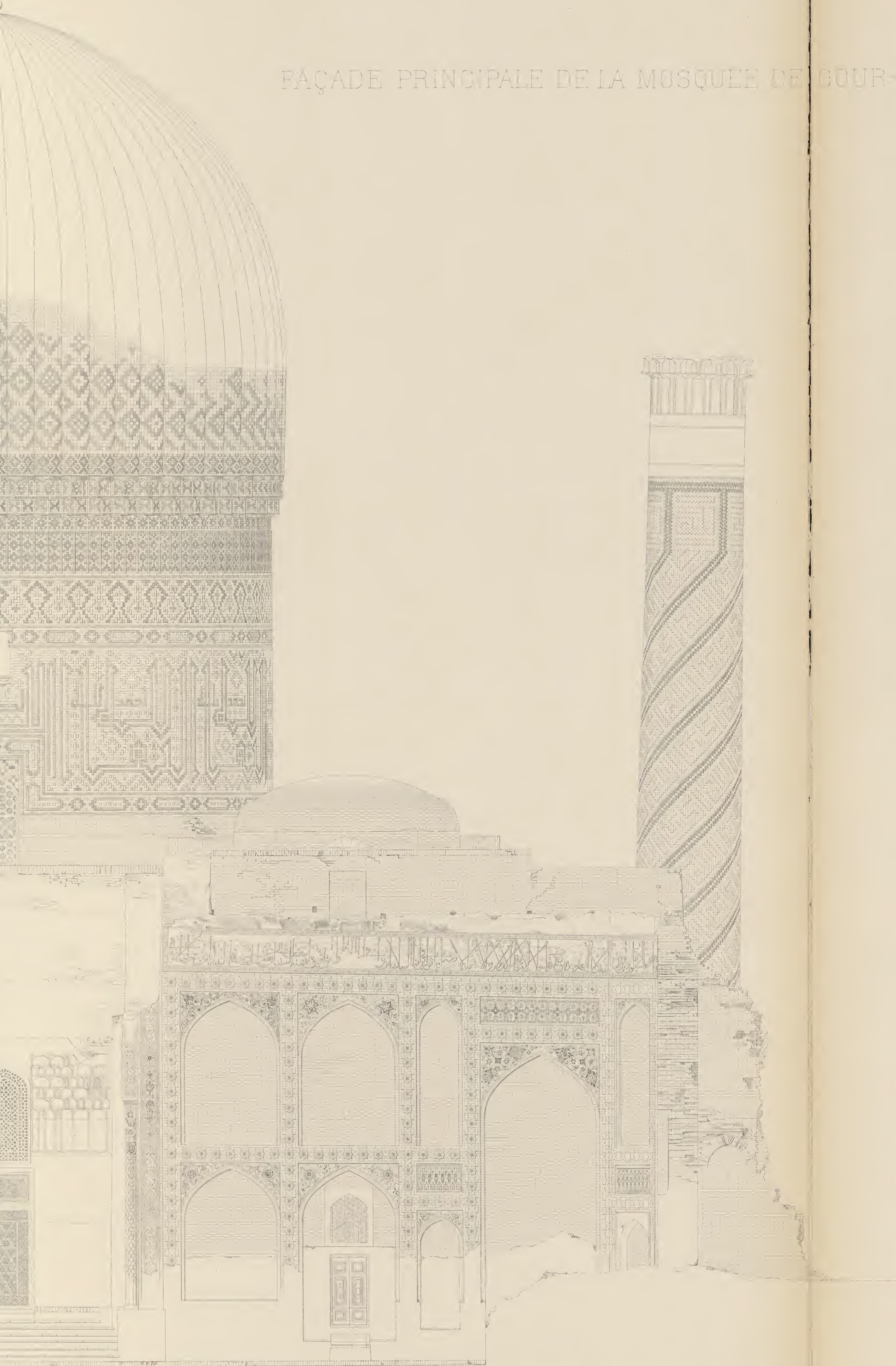
ГЛАВНЫЙ ФАСАДЪ МЕЧЕТИ

Арш 3

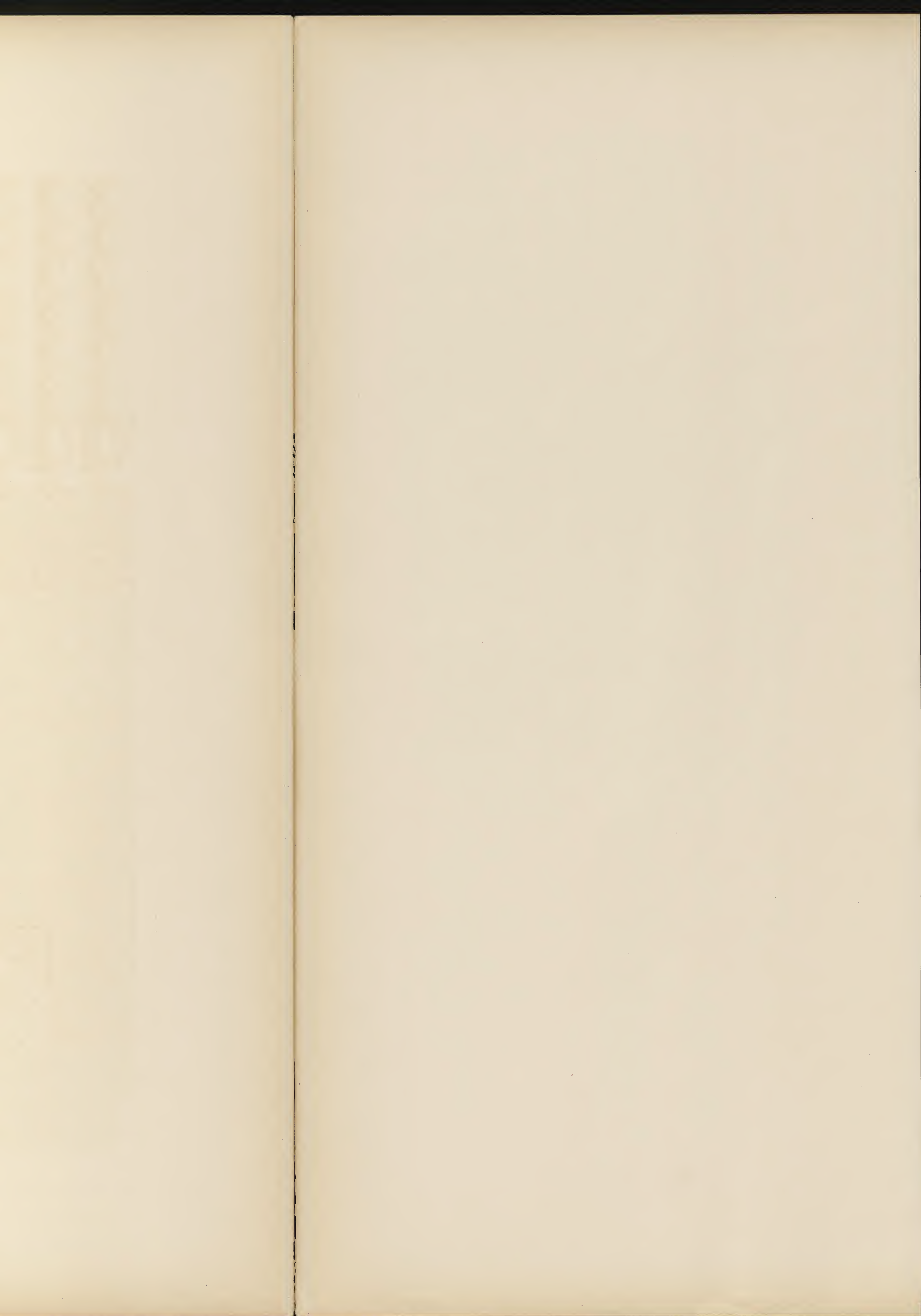
FAÇADE PRINCIPALE DE LA MOSQUEE DE GOUR-EMIR

ДЕТАЛЬ БАРАБАНА И РЕБЕРЪ КУПОЛА.

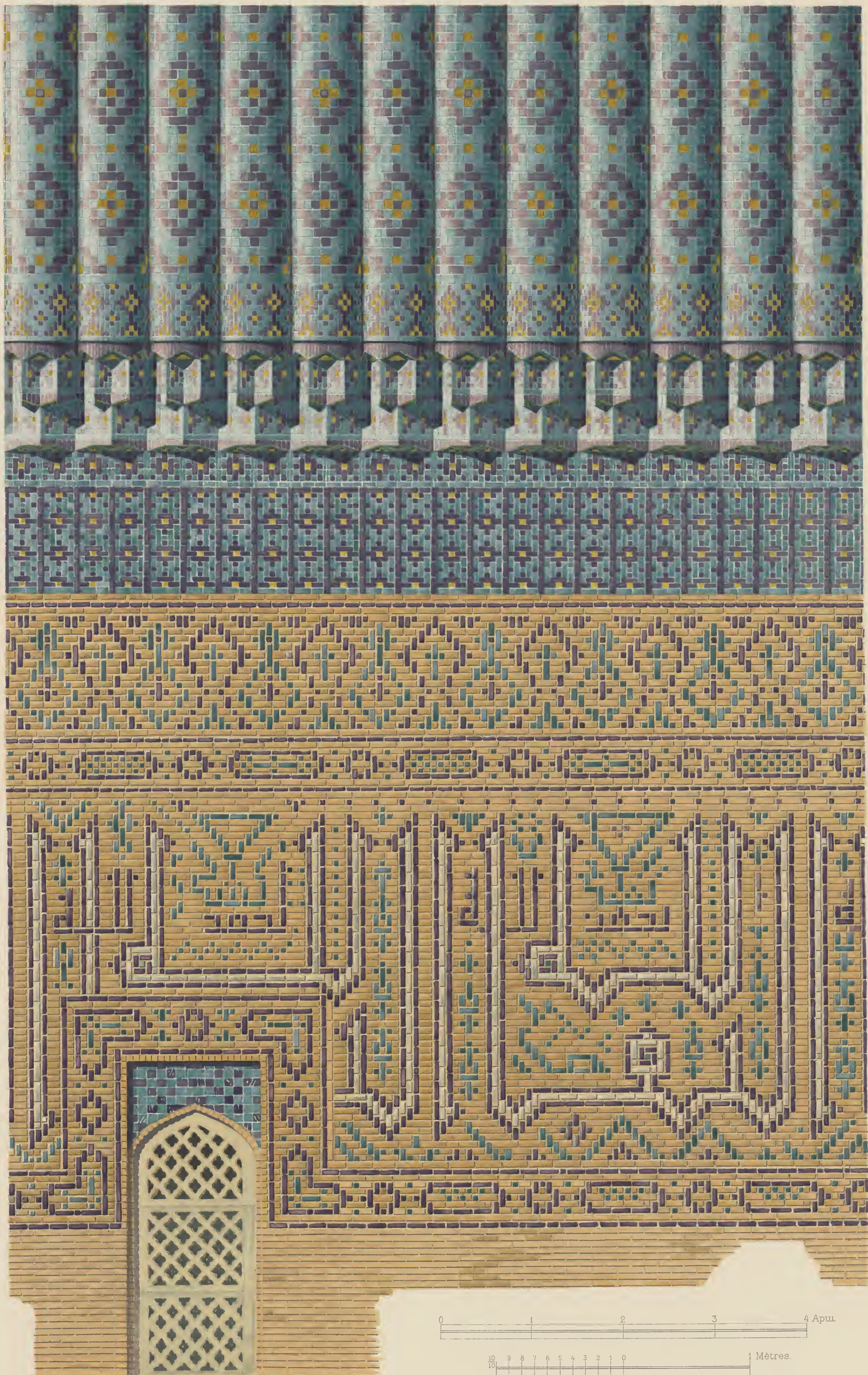
(РАЗВЕРТКА).

РАЗРѢЗЪ
ПО C-D.
COUPE
SUR C-D.

РАЗРѢЗЪ
ПО A-B.
COUPE
SUR A-B.

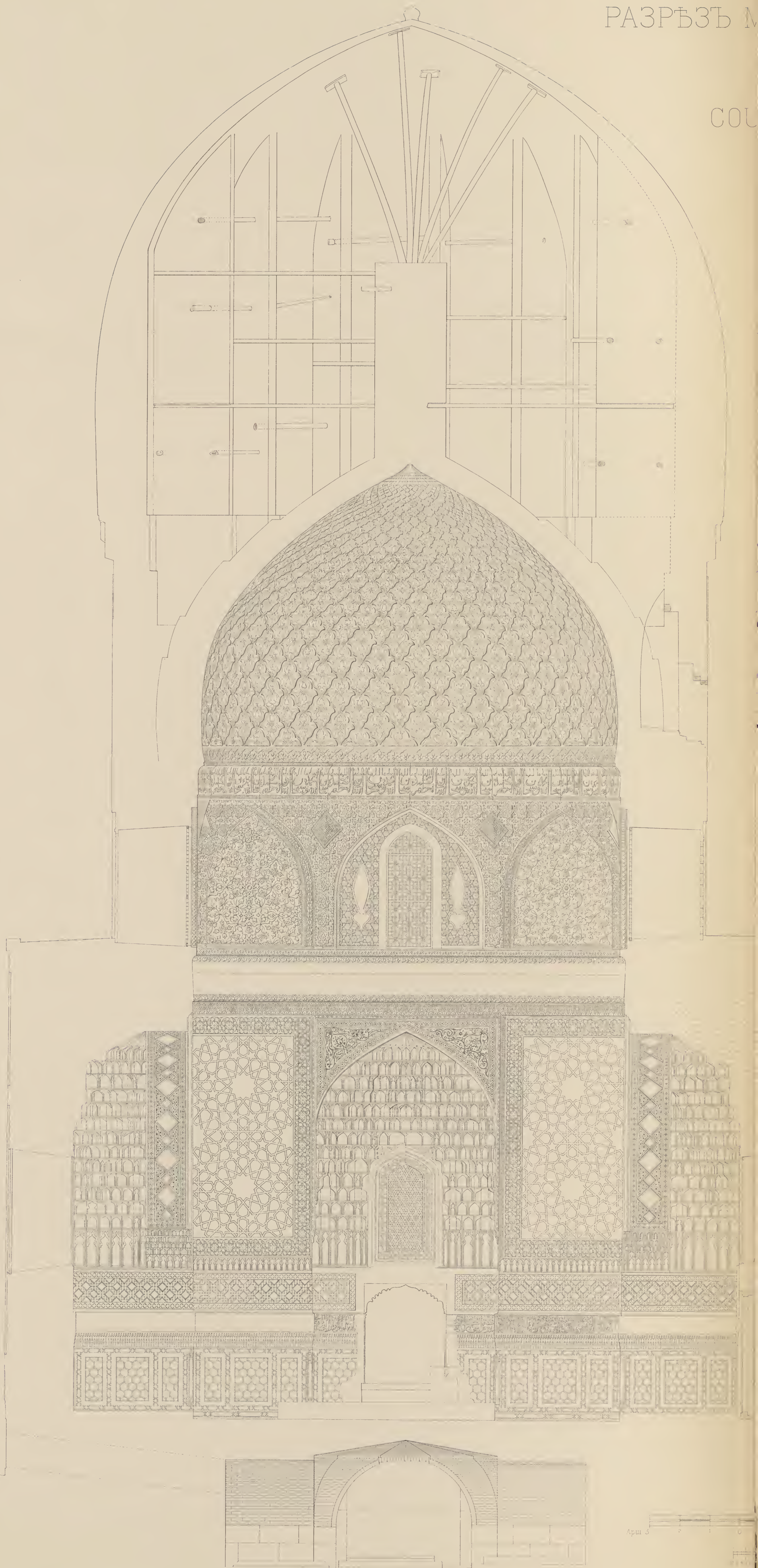
DÉTAILS DU TAMBOUR ET DES ARÊTES DE LA COUPOLE.

(DÉVELOPPEMENT).

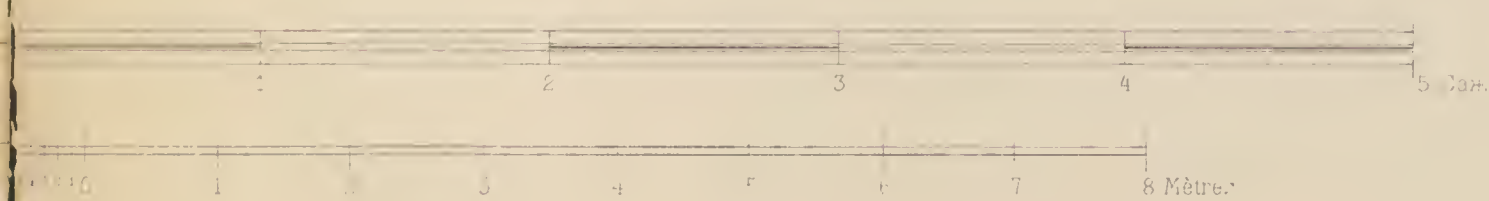
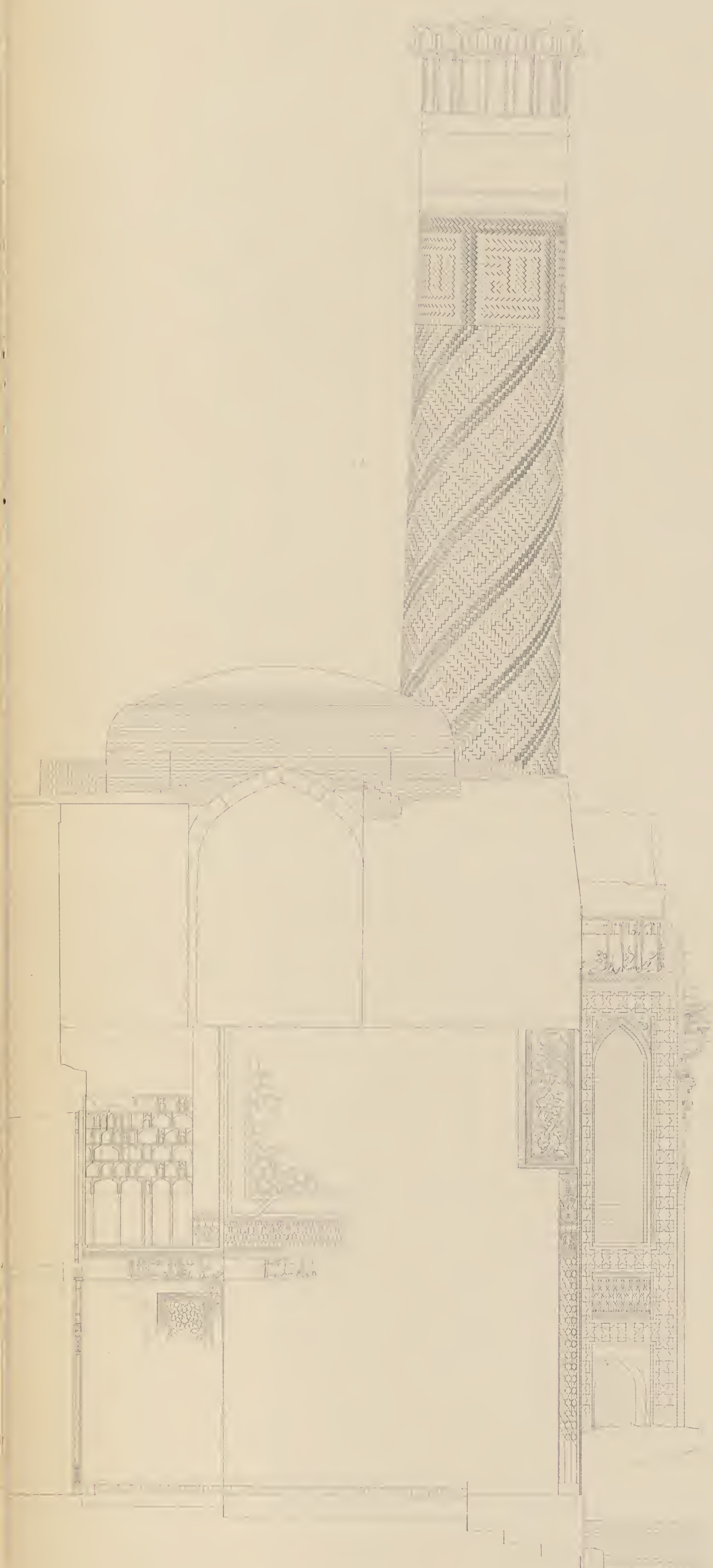
МЕЧЕТИ ГУРЪ-ЭМИРЪ ПО ЛИНИИ С-Д.

(СМ. ТАБЛ. XVII)

TYPE DE LA MOSQUÉE DE GOUR-ÉMIR

SUR C-D.

(VOIR PLANCHE XVII)

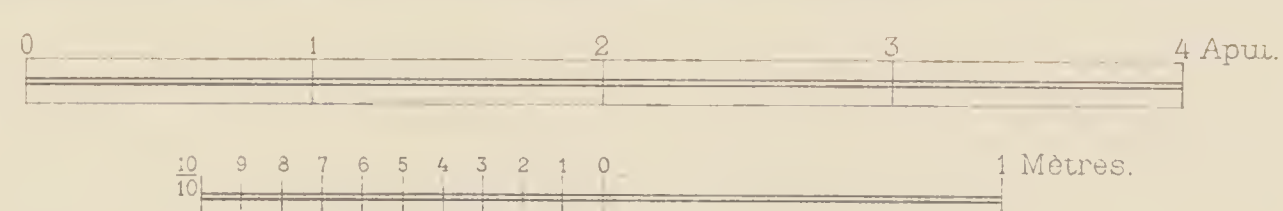

СЪВЕРНАЯ ВНУТРЕННЯЯ НИША МЕЧЕТИ ГУРЪ-ЭМИРЪ
 NICHE INTÉRIEURE DU NORD DE LA MOSQUÉE DE GOUR-ÉMIR

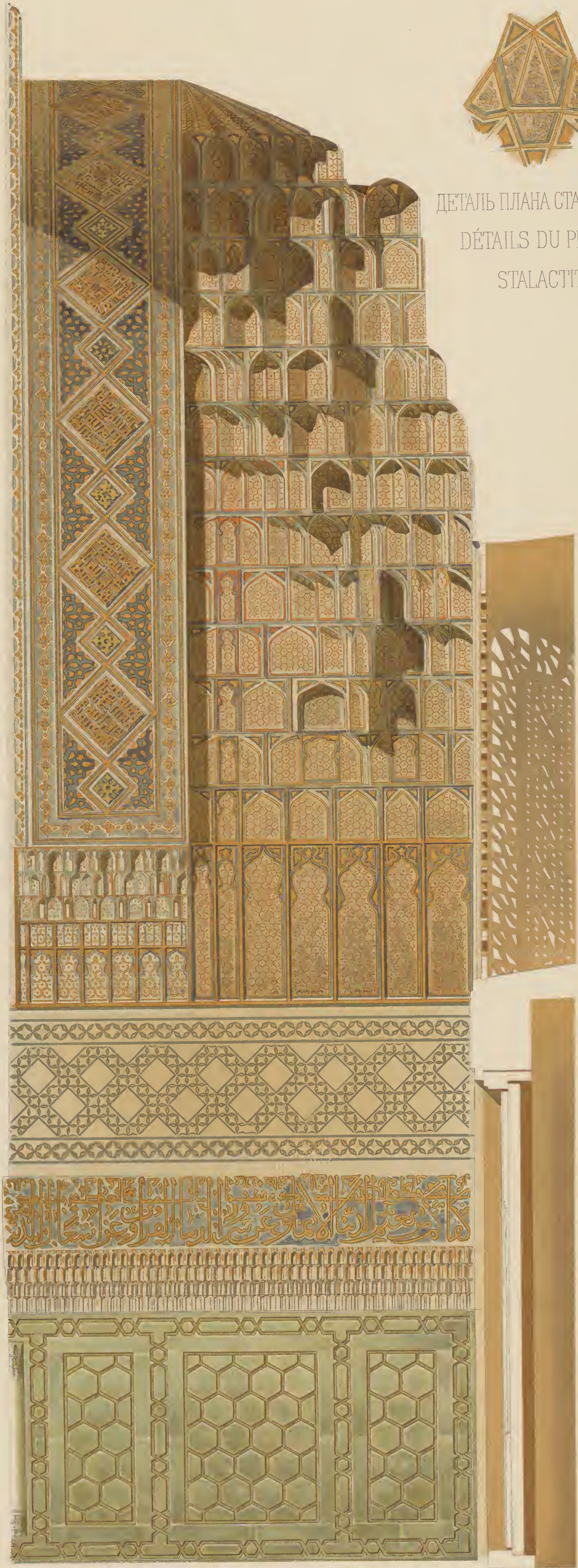

РАЗРѢЗЪ СЪВЕРНОЙ ВНУТРЕННЕЙ НИШИ (РЕСТАВРАЦІЯ)
COUPE DE LA NICHE INTÉRIEURE DU NORD (RESTAURATION)

ДЕТАЛЬ ПЛАНА СТАЛАКТИТОВЪ
DÉTAILS DU PLAN DES
STALACTITES.

ДЕТАЛЬ СТАЛАКТИТОВЪ
DÉTAILS DES STALACTITES.

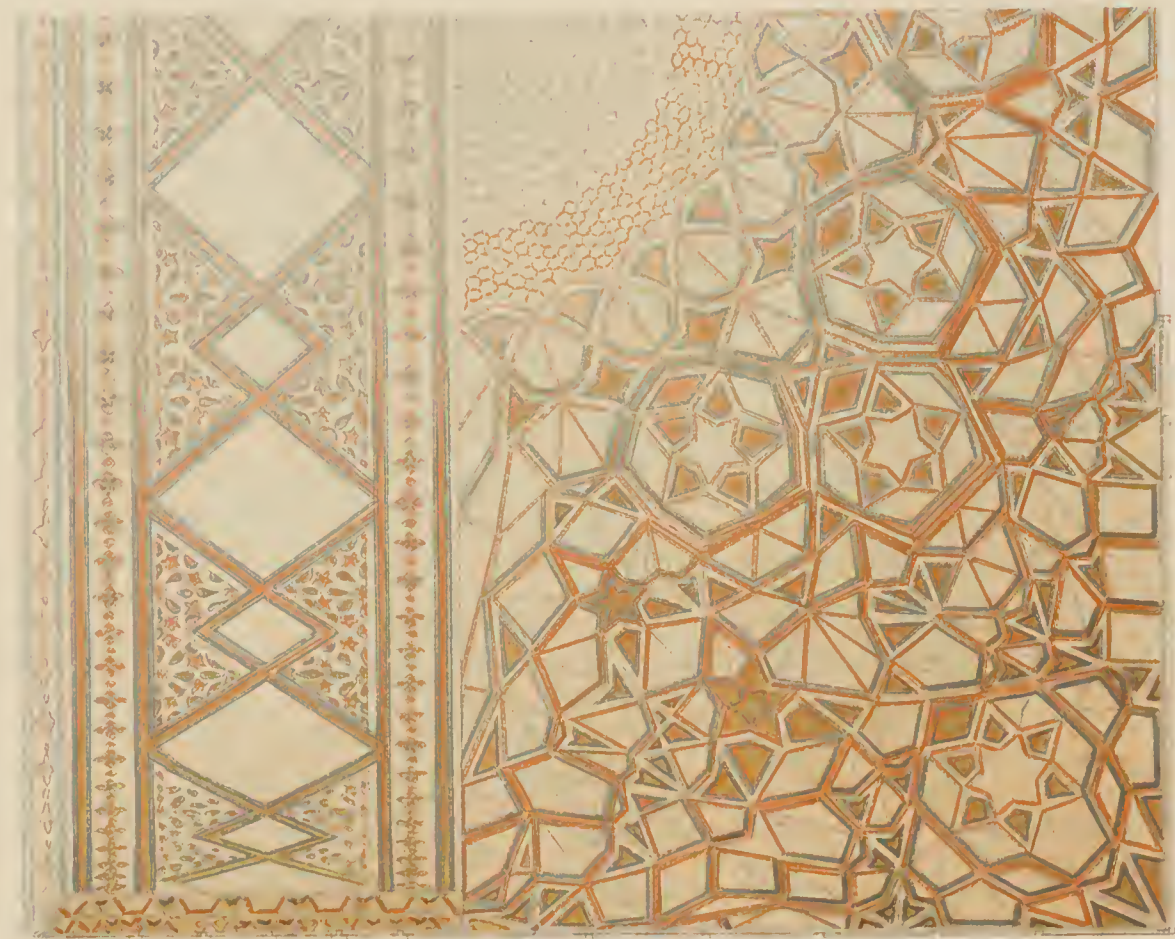

ДЕТАЛЬ ПИЛЯСТРЫ ГЛАВНАГО ФАСАДА.
DÉTAILS DU PILASTRE DE LA FAÇADE PRINCIPALE

1/4 НАТ. ВЕЛ. — 1/4 DE LA GRAND NAT.

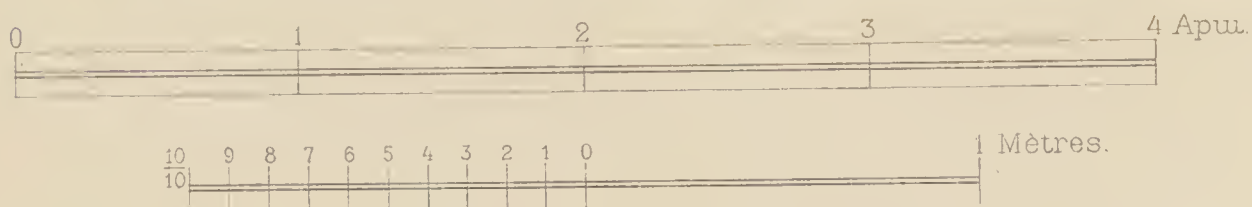

ПЛАНЪ СТАЛАКТИТОВЪ - PLAN DES STALACTITES

ОРНАМЕНТЪ НАДЪ ЛѢВЫМЪ БОКОВЫМЪ ВХОДОМЪ ВЪ ПРИСТРОЙКУ КЪ МЕЧЕТИ ГУРЪ-ЭМИРЪ
ORNEMENT AU-DESSUS DE L'ENTRÉE DU CÔTÉ GAUCHE DANS L'ANNEXE DE LA MOSQUÉE DE GOUR ÉMIR

1/4 НАТ. ВЕЛ. — 1/4 DE LA GRAND NAT.

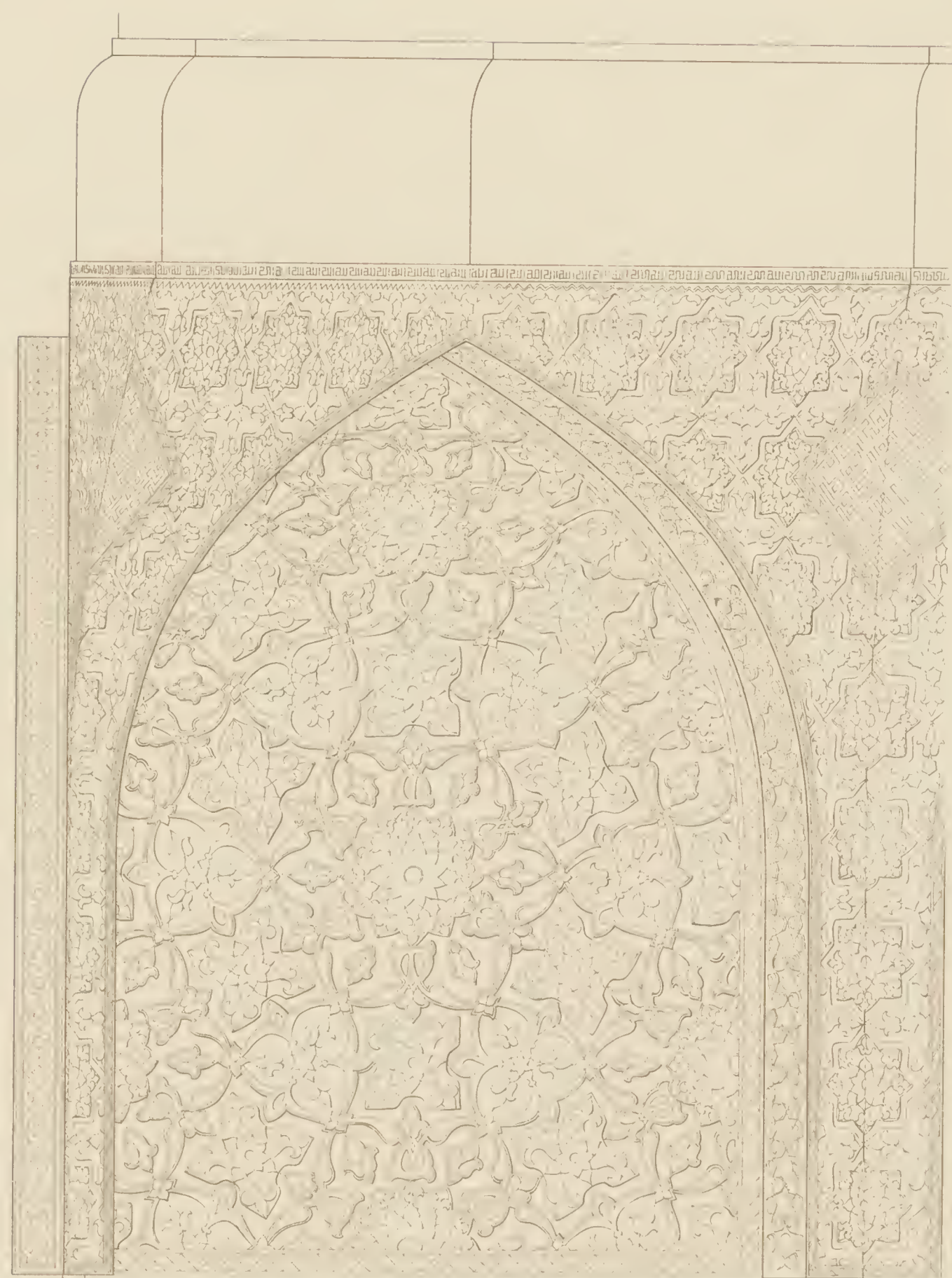

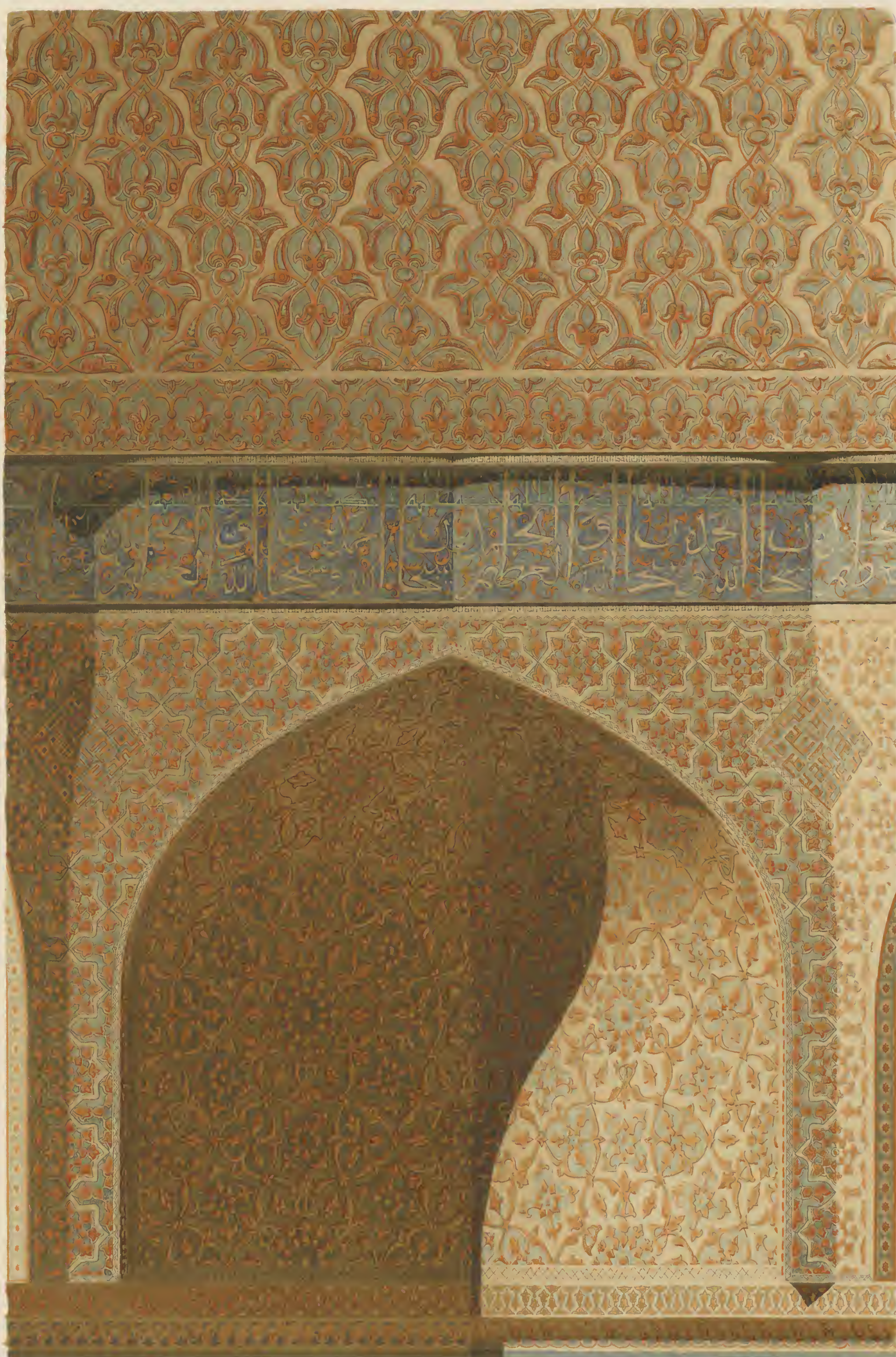

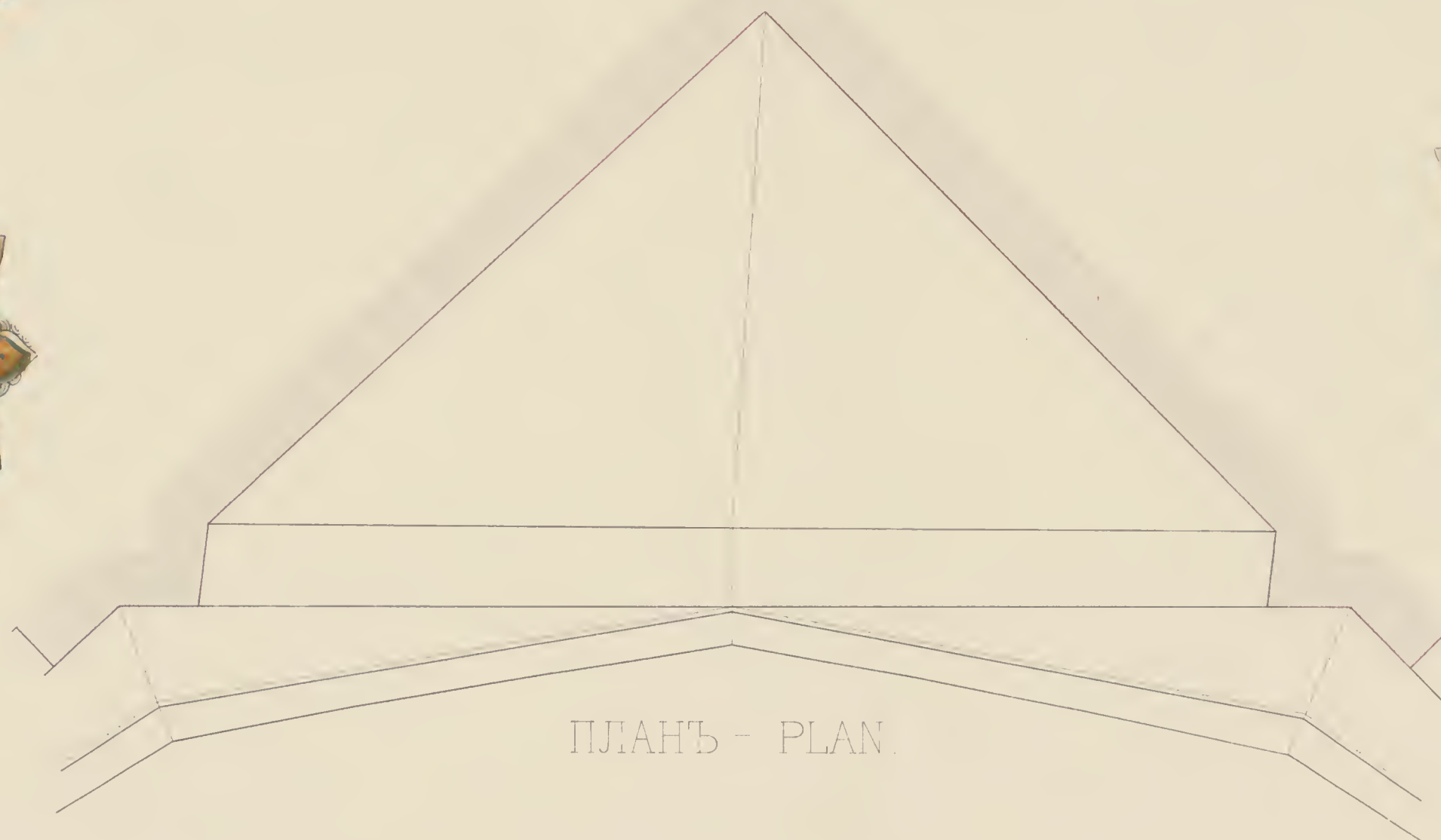
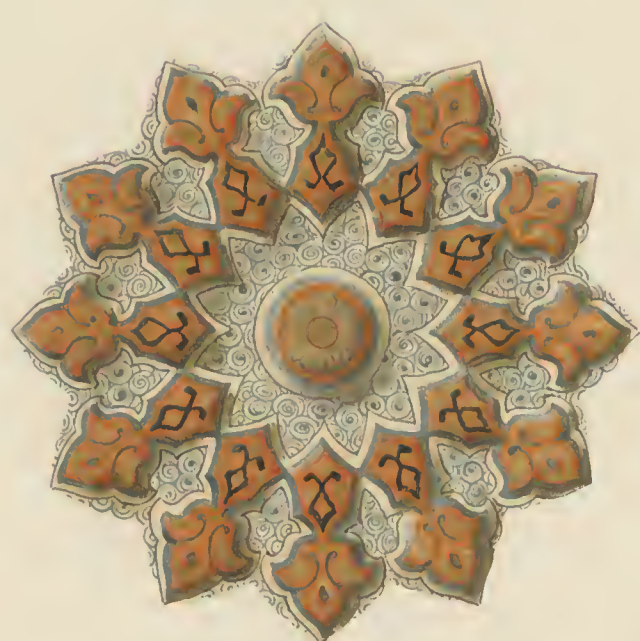
ПАРУСЪ КУПОЛА МЕЧЕТИ ГУРЪ-ЭМИРЪ И РЕЛЬЕФНЫЯ БУМАЖНЫЯ РОЗЕТКИ
PENDENTIF DE LA COUPOLE DE LA MOSQUÉE DE GOUR-ÉMIR ET LES ROSACES DE CARTON EN RELIEF

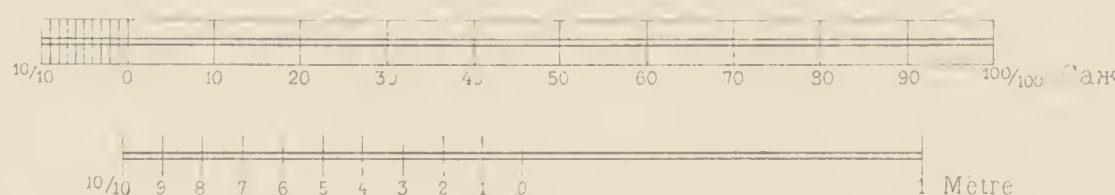
БОКОВОЙ ВИДЪ — VUE LATÉRALE.

ФАСАДЪ — FAÇADE

ПЛАНЪ — PLAN.

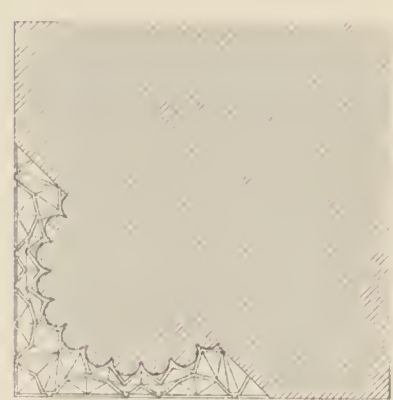
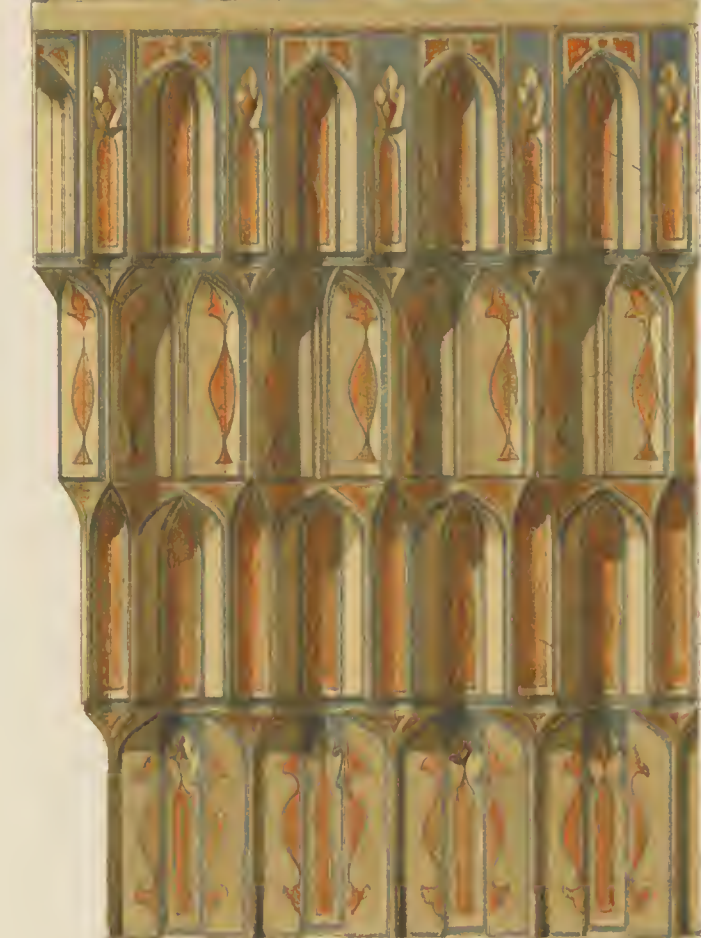

ДЕТАЛИ ПАНЕЛЕЙ ВНУТРИ МЕЧЕТИ ГУРЪ-ЭМИРЪ.

1/3 НАТУР ВЕЛИЧ.

ВНУТРЕННЯЯ ПАНЕЛЬ ПРИСТРОЙКИ КЪ МЕЧЕТИ
LAMBRIS INTÉRIEURS DE L'ANNEXE DE LA MOSQUÉE

1/2 Н. В.
1/2 DE LA GR. N.

DÉTAILS DES LAMBRIS À L'INTÉRIEUR DE LA MOSQUÉE DE GOUR-ÉMIR.

1/3 DE LA GRAND. NAT.

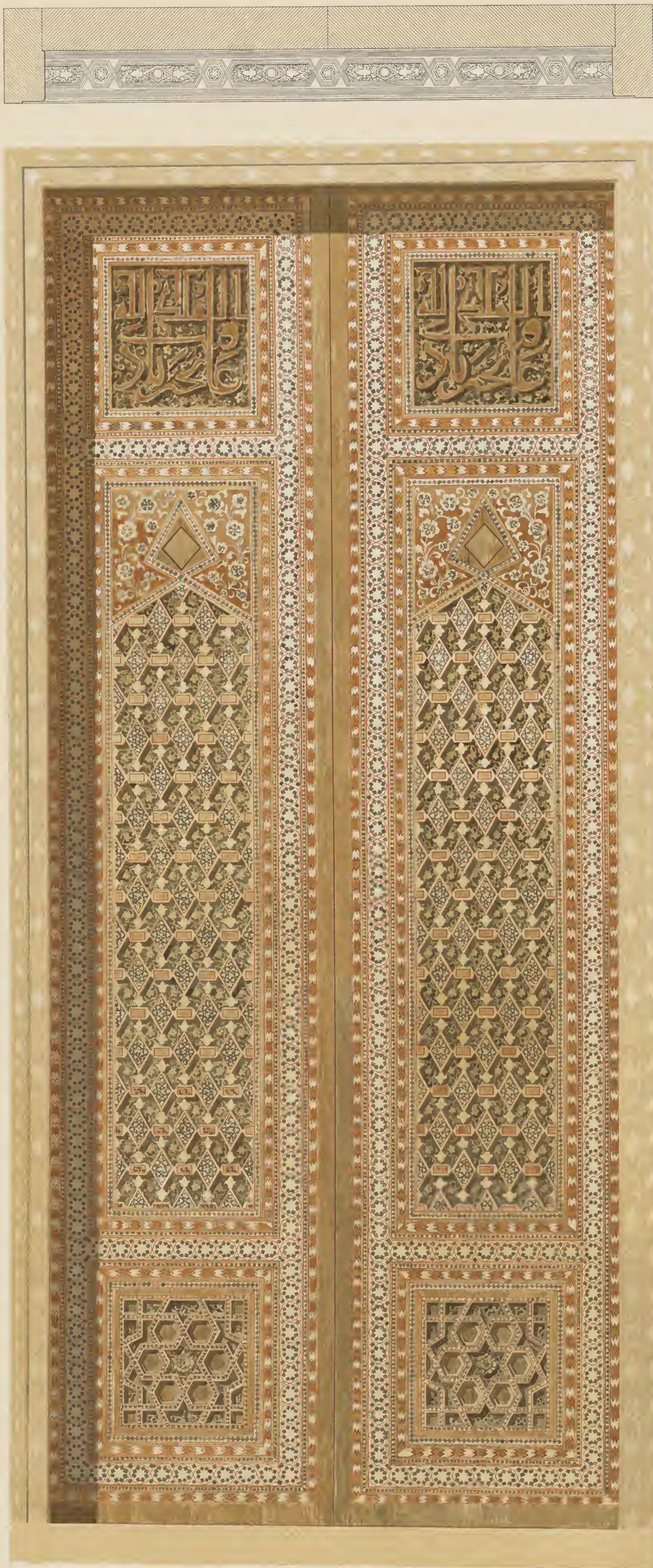

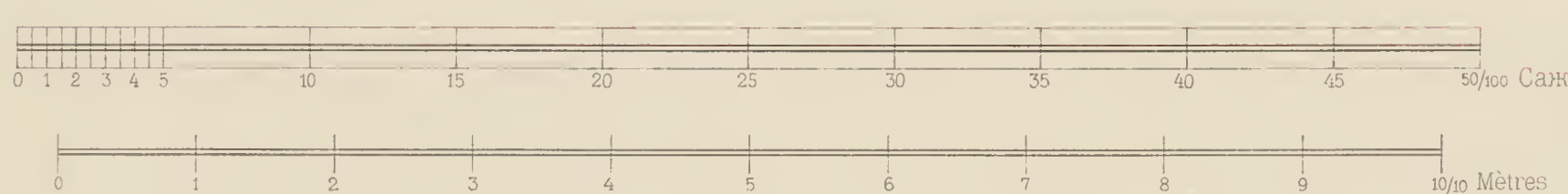

ДЕРЕВЯННАЯ ИНКРУСТИРОВАННАЯ ДВЕРЬ ВОСТОЧНОГО ВХОДА ВЪ МЕЧЕТЬ ГУРЪ-ЭМИРЪ.
(РЕСТАВРАЦІЯ)

PORTE DE BOIS AVEC INCRUSTATIONS À L'ENTRÉE ORIENTALE DE LA MOSQUÉE DE GOUR-ÉMIR
(RESTAURATION).

НАТУР ВЕЛИЧ. — GRAND NATURELLE

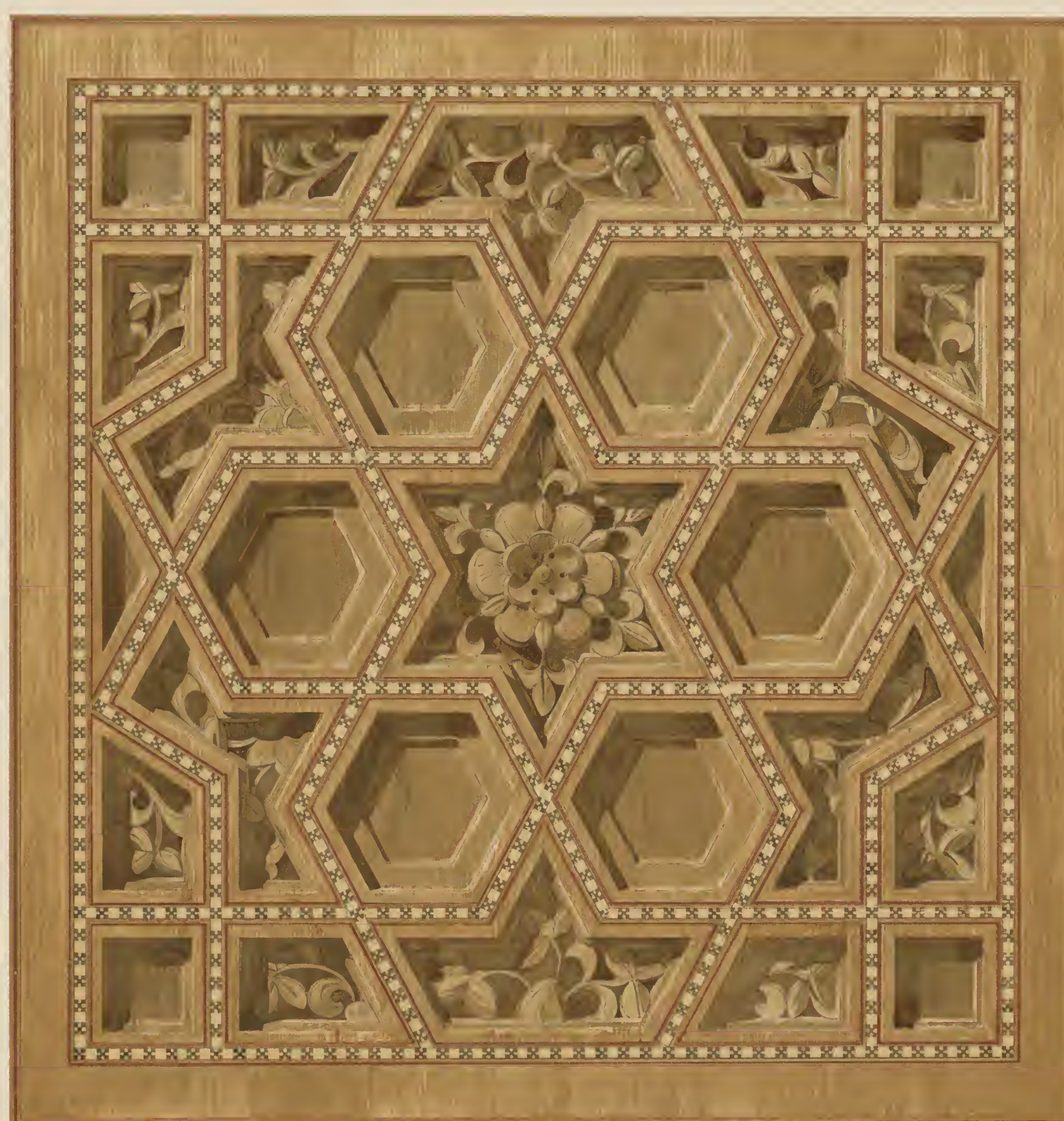
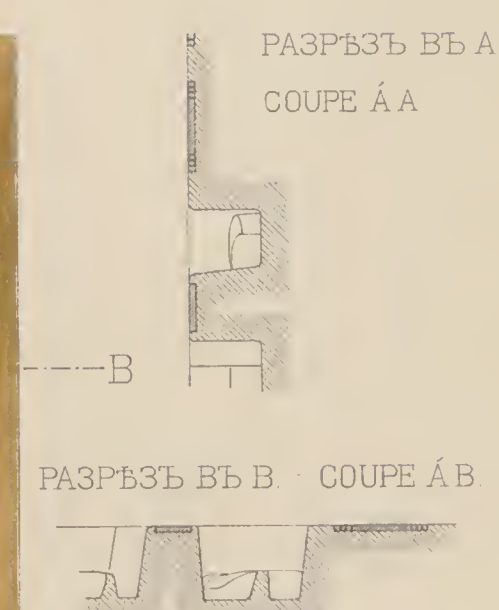

ТРИ ДЕТАЛИ ВОСТОЧНОЙ ДВЕРИ.
TROIS DÉTAILS DE LA PORTE ORIENTALE.

ВЪ НАТУР. ВЕЛИЧ. — Á GRAND NATURELLE.

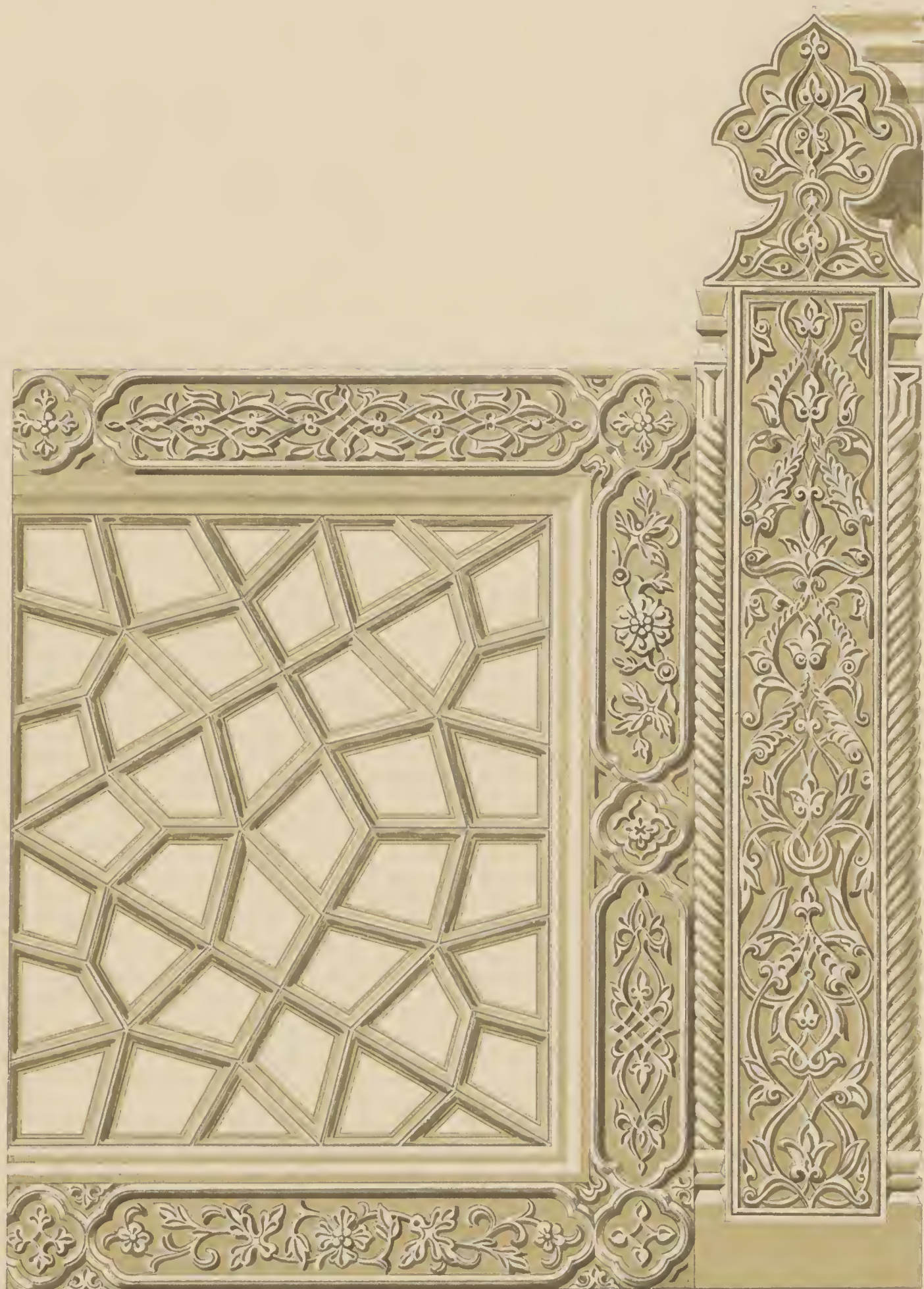
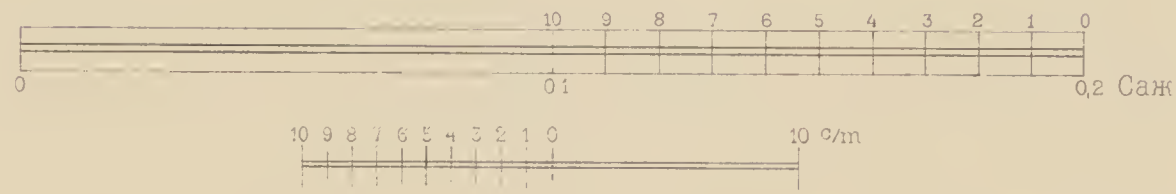
ДЕТАЛЬ СТАВНИ ОКНА ВЪ ПРИСТРОЙКѢ.
DÉTAILS DU CONTREVENT DE LA FENÊTRE DANS L'ANNEXE.
ВЪ НАТУР. ВЕЛИЧ. — Á GRAND NATURELLE.

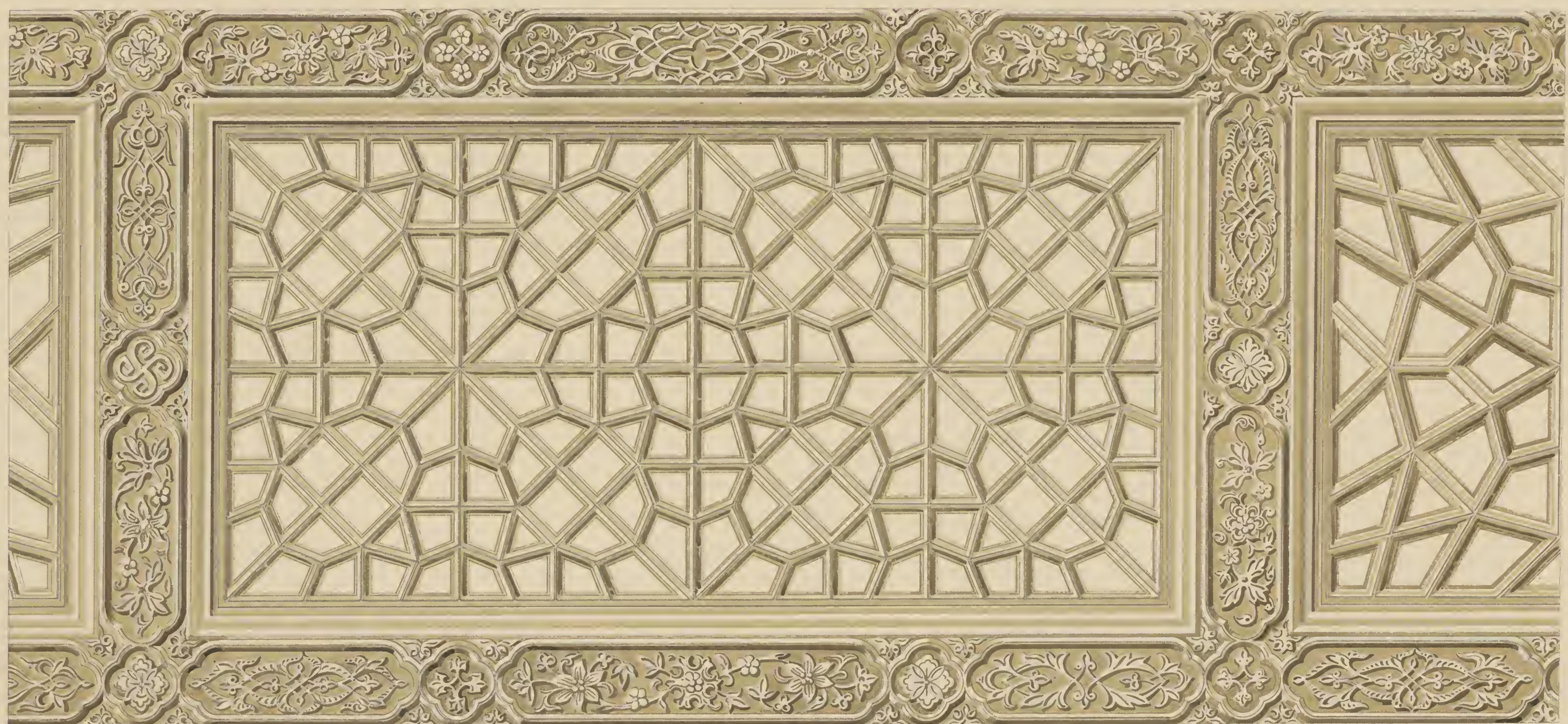
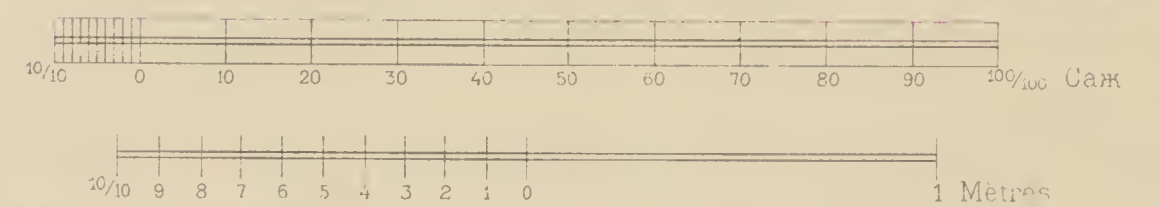

МРАМОРНАЯ РЪШЕТКА ВНУТРИ МЕЧЕТИ
GRILLE EN MARBRE À L'INTÉRIEUR DE LA MOSQUÉE

ДЕТАЛЬ НАРУЖНОЙ ПАНЕЛИ - DÉTAILS DU LAMBRIS EXTERIEUR

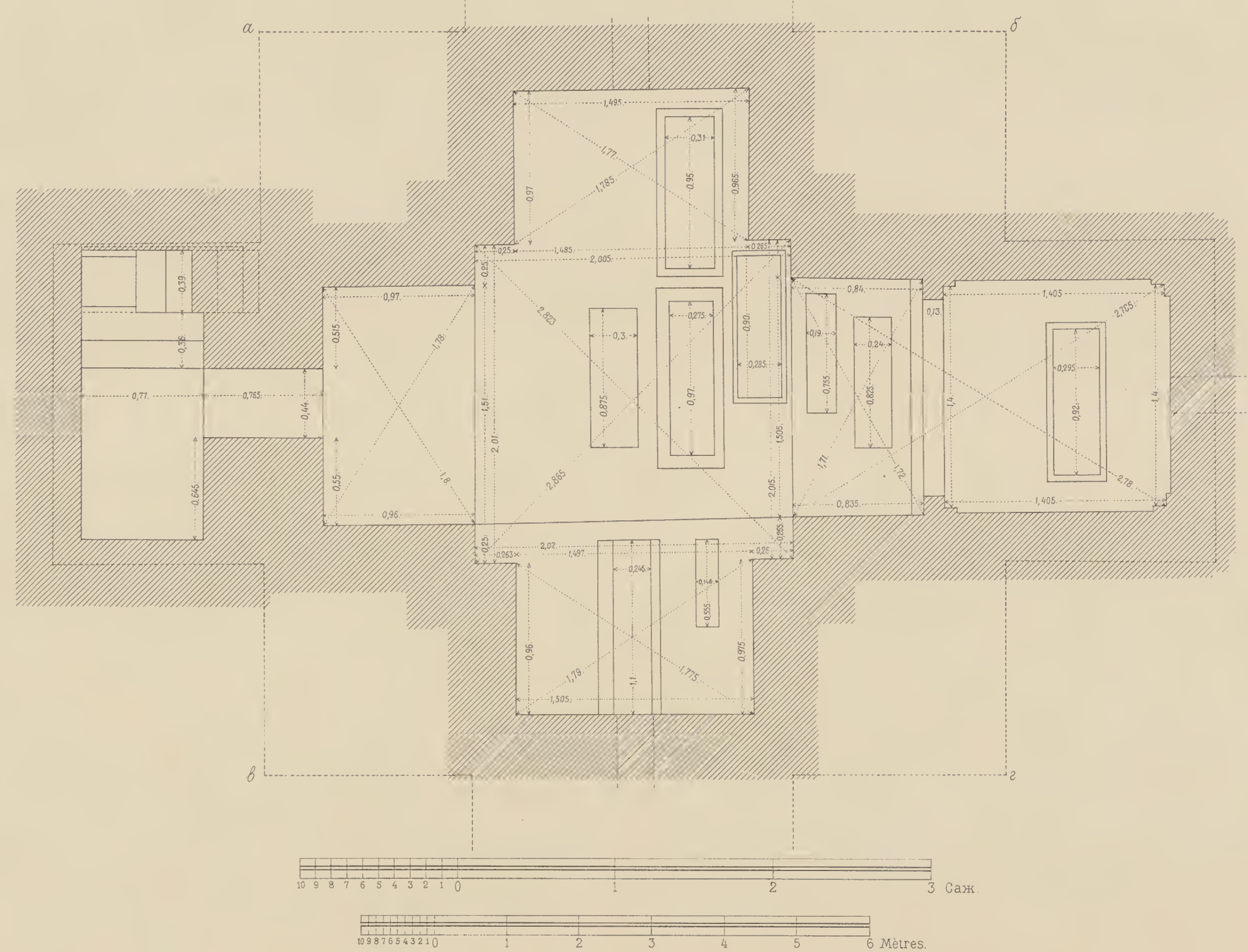

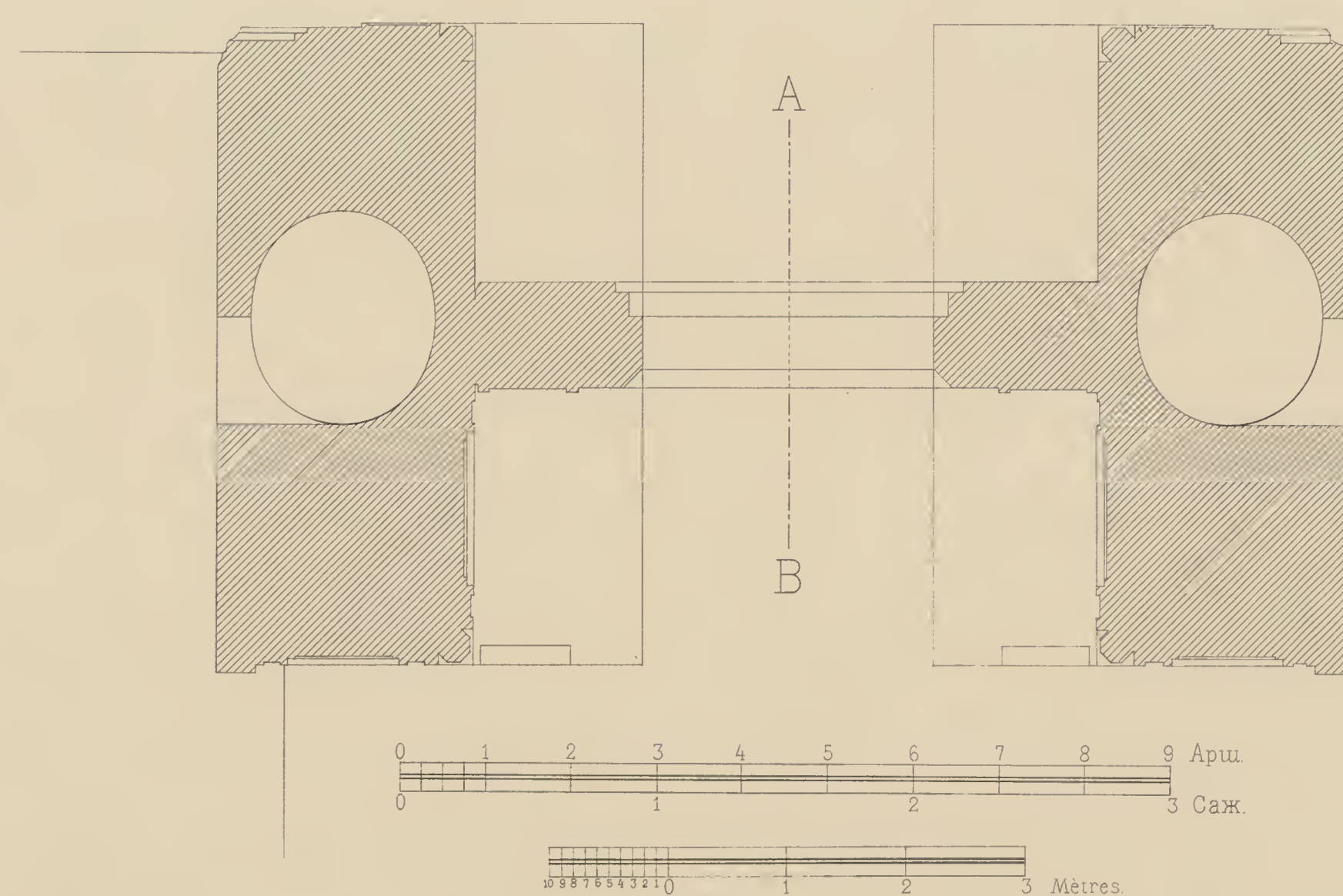

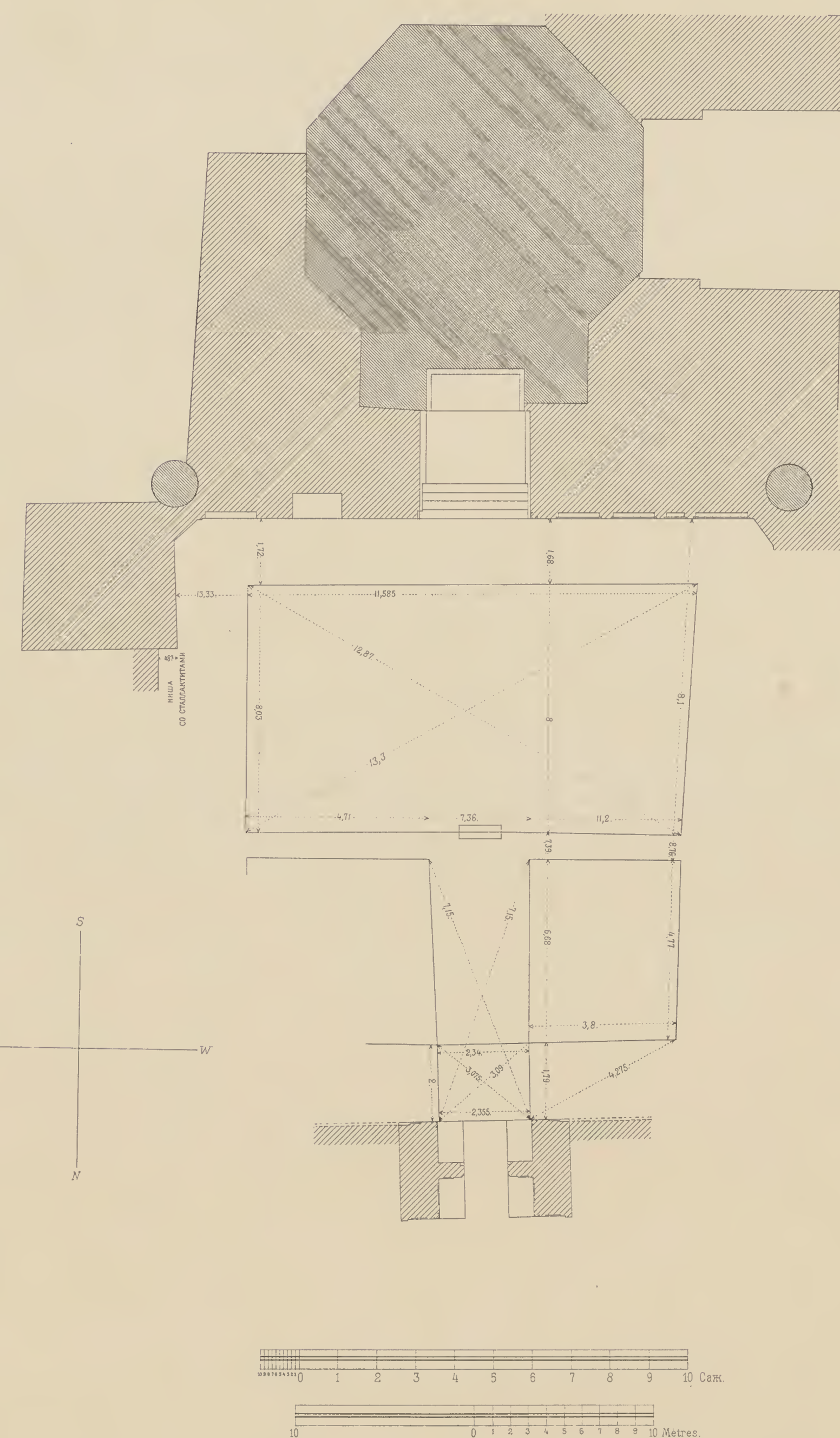
ПЛАНЪ СКЛЕПА И НАДГРОБНЫХЪ ПЛИТЪ.
PLAN DU SÉPULCRE ET DES PIERRES TUMULAIRES.

ПЛАНЪ ВОРОТЪ - PLAN DE LA PORTE.

ОБЩІЙ ПЛАНЪ МЕЧЕТИ И ВОРОТЪ.
PLAN GÉNÉRAL DE LA MOSQUÉE ET DE LA PORTE.

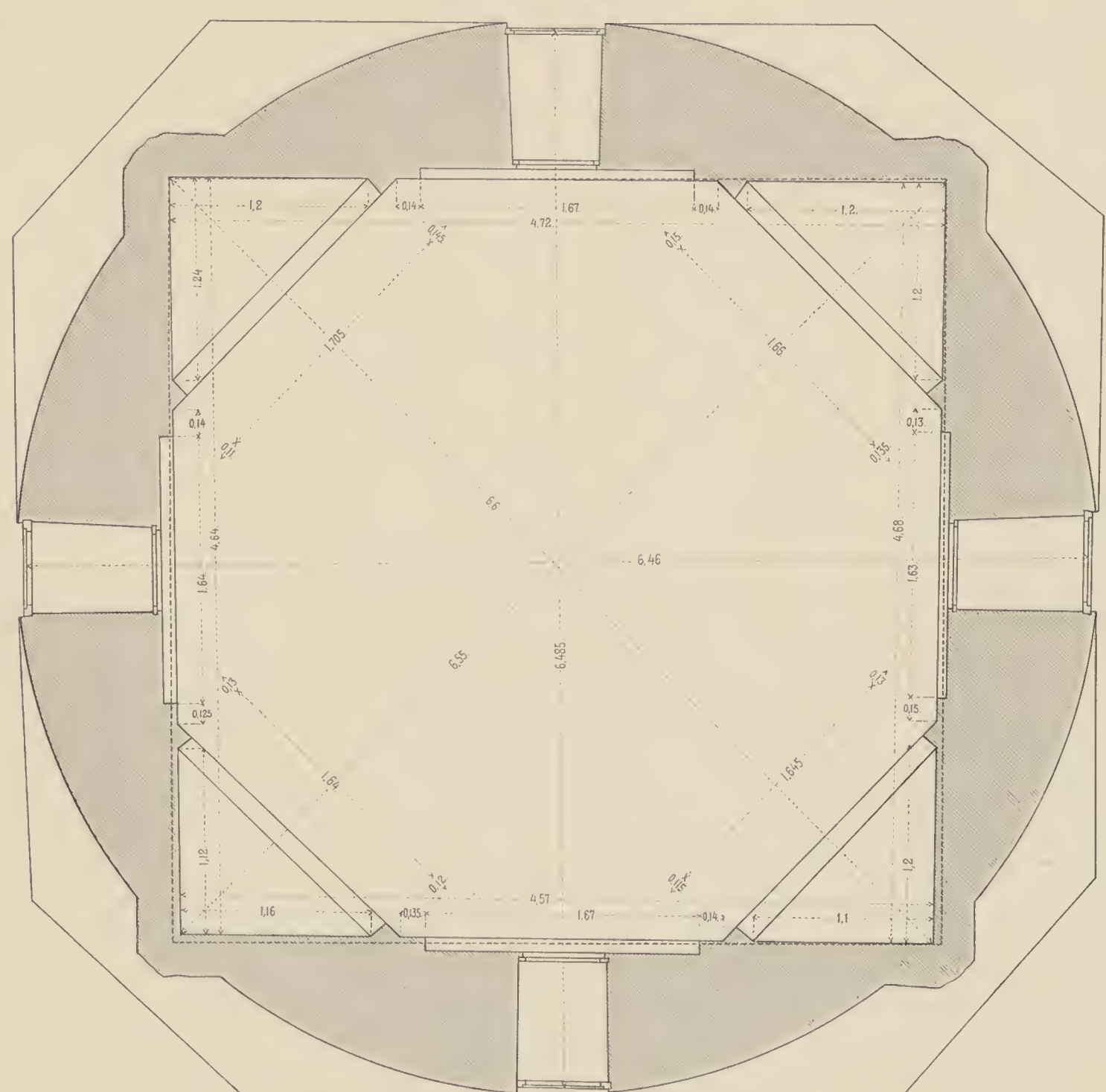

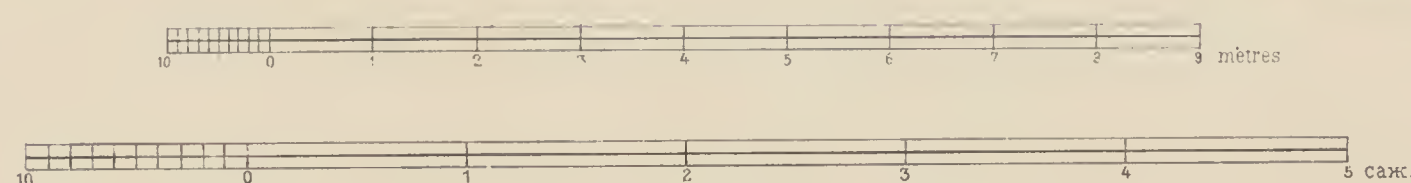
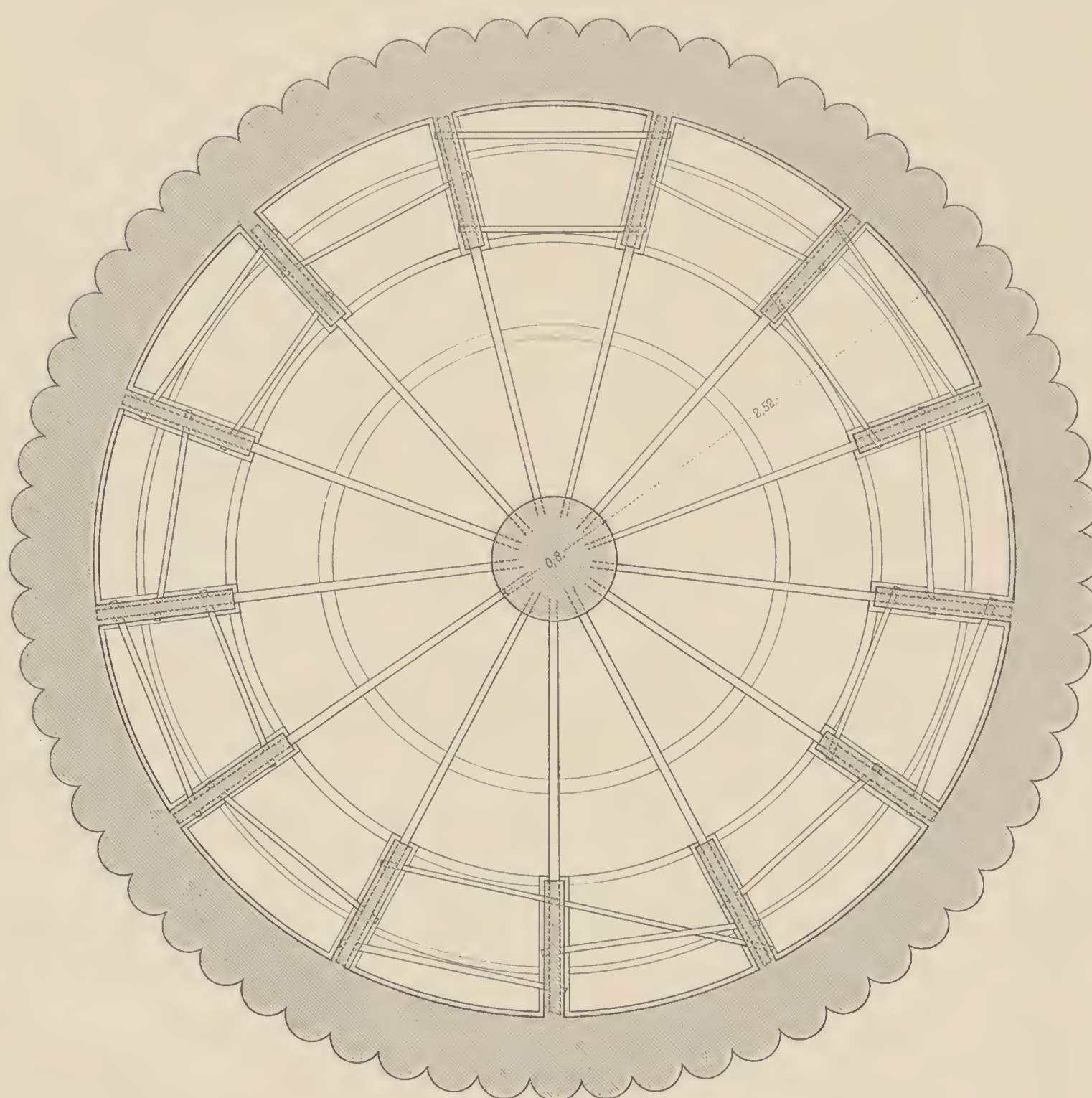

Планъ по парусамъ купола мечети „Гуръ-Эмиръ“
 PLAN, SUIVANT LES PENDENTIFS DE LA COUPOLE DE LA MOSQUÉE DE GOUR-EMIR

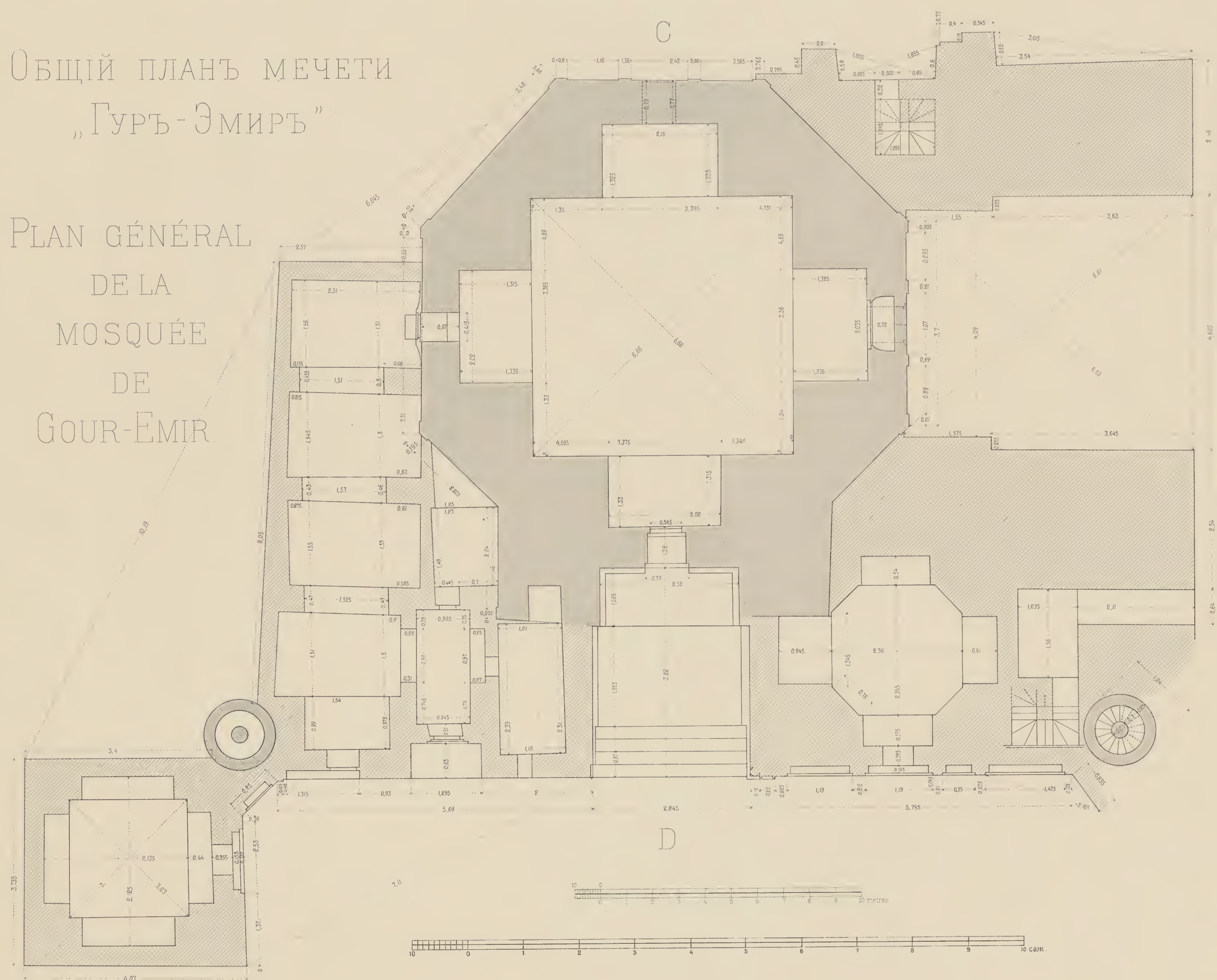

Планъ наружнаго купола мечети „Гуръ-Эмиръ“
 PLAN DE LA COUPOLE EXTÉRIEURE DE LA MOSQUÉE DE GOUR-EMIR.

Общій планъ мечети
 „Гуръ-Эмиръ“

PLAN GÉNÉRAL
 DE LA
 MOSQUÉE
 DE
 GOUR-EMIR

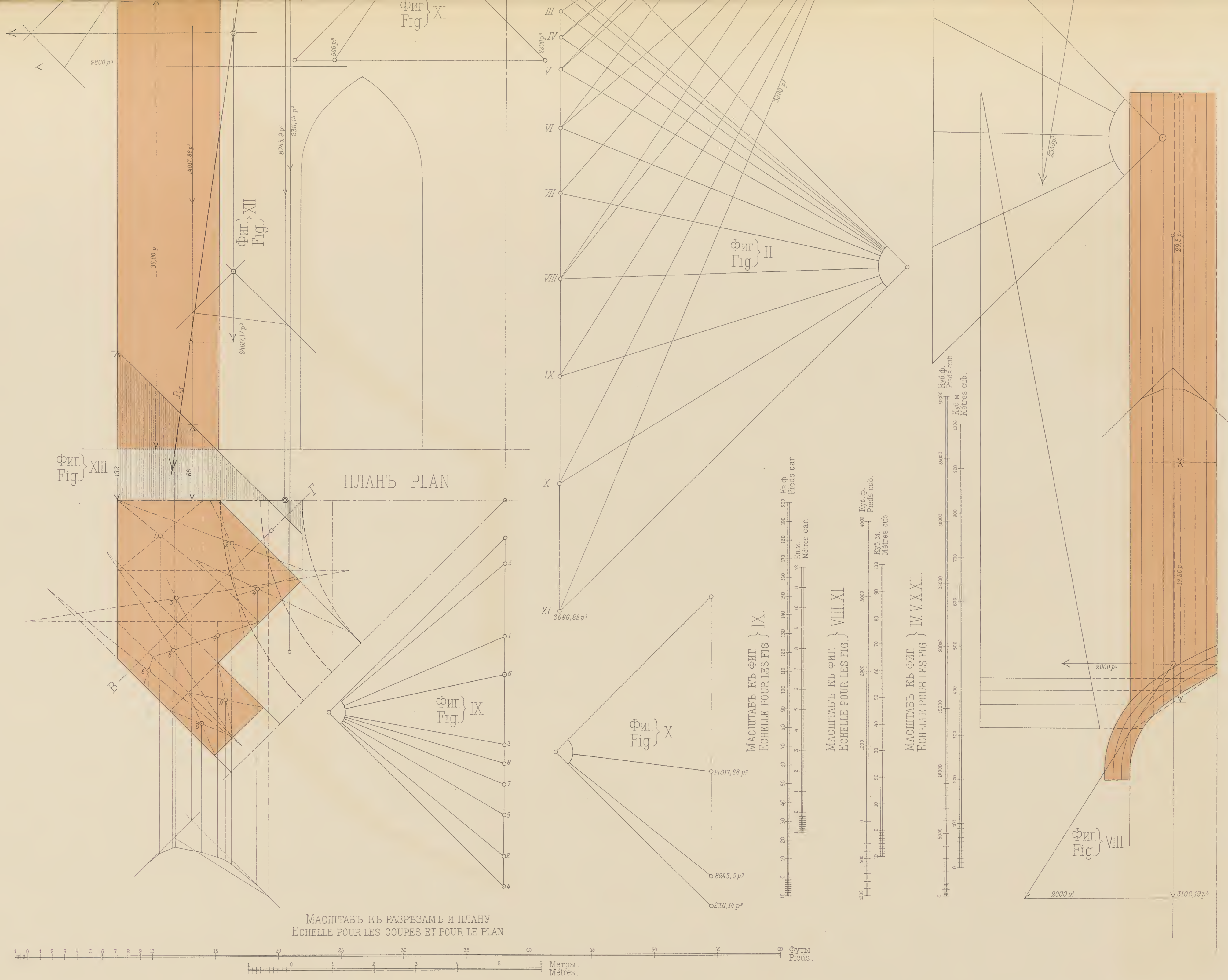

PSL 810.31 C734
Rusie. Commission impériale archéologique
Les monuments de Saint-Petersbourg. Fascicule I.
St. Petersburg. Exposition de 1905.
330200 (54480)

CLEVELAND MUSEUM OF ART
3 3032 00154 5460

